

Вечный. Взгляд со стороны

Автор:

[Сергей Злотников](#)

Взгляд со стороны

Сергей Витальевич Будеев

Роман Валерьевич Злотников

Хоахин #1

На планете Тронный мир, где издавна правят женщины, готовится заговор. Истинные организаторы заговора – посланники Могущественных, возобновивших экспансию против человеческих миров. Планы Могущественных срывает Ив Счастливчик, он же Корн, он же Вечный...

Роман Злотников, Сергей Будеев

Вечный. Взгляд со стороны

От автора

Дорогой ты мой читатель, конечно, только в том случае, если ты честно выложил свои кровные, а не спер этот текст на просторах инета. У меня есть к тебе одна глубочайшая просьба. Раз уж ты начал это читать, где бы ты ни находился в данный момент (в аэропорту, в электричке или на диване), какое бы время года и суток ни оттопыривалось за твоим окном – не торопись! Не заглатывай текст, не скачи по страницам, словно крошки от твоего бутерброда. Суета всегда приводит к недопониманию или ожирению, а того и другого хватает в этом мире

и без нас с тобой!

Предисловие

Если хочешь победить врага, воспитай его детей.

Ледяной ветрище трепал полярные пуховики, как будто верный пес, учуявший под ними запах чужаков. Пятеро монтажников из «Глобал Билдинг Корпорейтед» уже два часа раскладывали и закрепляли свое оборудование на борту большого транспортного дисколета, принадлежащего компании. Работали молча. Их хмурые лица совершенно не соответствовали торжественности момента, связанного с успешной сдачей объекта.

Работы по подготовке площадки, ее расчистке, монтажу фундамента, монтажу готовых, неделю назад доставленных на планету типовых блоков, подключению и запуску коммунальной инфраструктуры объекта были произведены в крайне сжатые сроки, успешно и без каких-либо существенных сбоев. Объект сдали на ура, опоздав всего на пару дней. Крупную технику отправили еще вчера, а вечером решили немного расслабиться. Контрабандный ром в количестве трех литров и две пачки «Мальборо», припрятанные от представителей заказчика в чехлах от штативов под теодолиты, были наконец извлечены. Мужики, насильно вырванные из отпусков и срочно отправленные в это запропащее на окраине Российской империи местечко, притушив основной свет, расположились на нижних стеллажах двадцать пятого складского ангара. Пир был в полном разгаре, и никто не обратил внимания на то, что в длинном коридоре слышались тяжелые, размеренные шаги.

Дети гнева представляли собой армию мутантов, выведенных врагом из человеческих эмбрионов, но в «нежном» возрасте вывезенных с территории когда-то захваченной и разоренной планеты, после чего выращенных и воспитанных в лучших боевых традициях русских военных элит. Уже несколько лет они владели планетой Светлая, расположенной на краю Российской империи. За это время планета была превращена ими в хорошо вооруженную ремонтно-производственную базу шестого отдельного гвардейского флота Детей гнева, входившего в Объединенную группировку флотов Его

Императорского Величества. Собственно Дети гнева и были этим шестым флотом, его бойцами, офицерами и адмиралами. Будучи, возможно, лучшими бойцами во Вселенной, они с большей охотой готовы были умереть в пекле ядерного удара, нежели мыть посуду или стирать свои носки, поэтому на их планете присутствовало довольно большое количество различного рода персонала, представляющего в основном русскоязычных подданных Империи, но иногда бывали и исключения. Дети гнева очень категорично относились к нарушению «приглашенными сотрудниками» установленных ими на планете правил. Особенно это касалось алкоголя, оружия и наркотиков, даже таких легких, как табак. Всем прибывающим об этом сообщалось заранее, но за работу они платили очень хорошо, и это обстоятельство в понимании многих с лихвой перекрывало любые возможные неудобства и издержки.

В общем, знакомство с будущим персоналом построенного ими жилого комплекса, предназначенного, как говорили строителям, для поселения военнопленных, закончилось для монтажников купанием в ледяной воде только что наполненного бассейна, которое продолжалось до полного протрезвления последних. По этой причине утренние сборы прошли быстро и без лишних остановок на передохнуть. Спокойно расслабиться монтажникам удалось, лишь когда они оказались на парковочной орбите на борту каботажного танкера. Но, к сожалению, все остатки с таким трудом провезенного на место строительства божественного напитка были изъяты и уничтожены. Поэтому единственным удовольствием для монтажников, занимавших небольшую каюту на выходящем за пределы планетарной системы каботажнике, оставалось удивленно глазеть на вакханалию и ажиотаж, которые творились за бортом. Все новостные каналы, до последнего сопровождавшие конвой, перевозивший военнопленных с Трона на Светлую, наперебой брызгая слюной в микрофоны, живописали это грандиозное зрелище. Как обычно перевирая больше половины имеющихся фактов, журналисты всеми правдами и неправдами старались пролезть как можно ближе к планете, по ходу давая развернутые описания тех самых военнопленных, которых, впрочем, так никто и не увидел в лицо. Рассказывали об ордах наводнивших Трон монстров, которые были якобы еще страшнее самих Детей гнева, о невероятных усилиях международного прогрессивного сообщества, приведших к освобождению планеты от нашествия, о жуткой бойне и разрухе, в которую погрузилась планета. Даже простой обыватель с большой долей скепсиса относился к этим рассказам. Зато изображение конвоя, более двух тысяч транспортных судов в сопровождении грозных линкоров, проходящего мимо на крейсерской скорости, сделанного с расстояния всего в несколько сотен тысяч километров, заполонило глобальную сеть и стало мировой сенсацией во всех без исключения человеческих конгломератах как

минимум на ближайшие две-три недели.

Если отбросить в сторону все неизбежные преувеличения и перевирания со стороны международной «свободной» прессы, будущие жильцы только что возведенного в ледяной пустыне «жилого комплекса», так же как и сами Дети гнева, были воспроизведены искусственно и воспитаны все тем же врагом как вторая попытка создать боевой авангард для завоевания человеческого космоса. Но если все без исключения Дети гнева были мужского пола, то все Сестры Атаки, военнопленные, захваченные при попытке отбить планету Трон, исключительно женского...

Глава первая

Ледяной плен

Враг – это партнер, решивший от тебя избавиться. Партнер – это друг, которому ты дал займы. Друг – это незнакомый человек, который случайно спас тебе жизнь.

Трудно подкручивать фокусировку полевого бинокля, когда на руках ватные рукавицы, еще труднее это делать окоченевшими пальцами, когда от этих рукавиц нет никакого толка. Сержант Берта не сдавалась. Осмотр окрестных холмов – это необходимость, которой нельзя пренебрегать. Тем более эта серая хмарь, которая здесь называлась полуднем, длится всего ничего. Однако так даже лучше, в пещерах зрение привыкает к темноте, и яркий свет ослепляет. Сегодня всего минус сорок три градуса по Цельсию, прямо оттепель, как бы дождик не пошел. Берта улыбнулась уголками потрескавшихся губ, обмотанных шарфом, покрытым слоем инея. Каждый вдох отдавался резью в горле, грозящей перейти в кашель. Каждый выдох рассеивал перед глазами облачко пара, мгновенно превращающегося в иней. Может, все не так и плохо? Может, Реста была права, когда увела их сюда? Их готовили к сражению до последней капли крови, о жизни в плену им ничего не рассказывали, выбирать между свободой и рабством не трудно, когда к свободе прилагаются честь и лавры победителя, а не проклятие, изгнание и смерть. Или хотя бы к рабству прилагаются кнут, баланда и холодные доски барака, а не теплая постель, застеленная белым

шелком, и утренний кофе с круассаном. Берте захотелось плюнуть и хорошенько, во все горло выmaterиться.

В голове вновь всплыли отрывки воспоминаний о том злополучном заседании «совета» аналитиков, на котором Линда, эта разукрашенная кобыла с бюстом больше, чем задница, зачитала «Меморандум о взаимопонимании», который им выкатили Дети гнева. Всего-то ничего, десять пунктов, но каково!

«Данным соглашением мы, суверенное население планеты Светлая, предоставляя вам, военнослужащим армии врага, ныне имеющим статус военнопленных, возможность находиться на территории нашей планеты, закрепляем за собой право:

- ограничивать место вашего пребывания на планете специально отведенным для этой цели благоустроенным временным лагерем;

- использовать тех из вас, кто не отвергнет нашего вознаграждения и признательности, в качестве особей противоположного пола, коими вы и являетесь, для проведения экспериментов по скрещиванию особей Детей гнева и Сестер Атаки, цель которых – возможность получения жизнеспособного потомства;

- использовать тех из вас, кто не согласится с предыдущим условием, в качестве прислуги для тех, кто безоговорочно примет указанное выше условие;

- собственным авторитетом и силой оружия поддерживать установленный в месте вашего временного пребывания уклад и порядок.

Закрепляем за собой обязанности:

- полностью организовать и обеспечить жизнедеятельность инфраструктуры лагеря временного размещения;

- полностью обеспечить достойное медицинское обслуживание;

- полностью обеспечить разнообразное и рациональное питание проживающих в лагере;
- полностью обеспечить на максимально возможном в данных обстоятельствах уровне интересный досуг, возможность интеллектуального, духовного и физического развития;
- а также исполнять максимально быстро и полно все соизмеримые с нашими возможностями желания для всех без исключения лояльных к нам членов вашей общины.

Те из вас, кто явно или скрыто будет препятствовать исполнению вышеуказанных правил, будут по их выбору удалены за территорию лагеря на снежные просторы ледяной пустыни либо уничтожены без дополнительных разбирательств и обсуждений».

И понеслось. У Берты уши заложило от бабьего ора. Как же долго до них доходило, что это не приглашение на свадьбу и обсуждать здесь особо нечего. Разве что мороженого попросить на завтрак не по сто, а по двести граммов. И это были офицеры, аналитики, элита Сестер Атаки. Минут двадцать спустя полковник Эмельгея грохнула кулаком по столу, и «советчицы», вытирая слюни и пот, поднимая разбросанные стулья, расселись вокруг большого круглого многофункционального трансформер-стола.

- Во-первых. Если вам это доставит удовольствие?! Наша с вами милая «беседа» непременно записывается нашими «добродетельными» хозяевами. Во-вторых. Для тупых! Нам предложили либо стать проститутками и жить в комфорте, ни в чем себе не отказывая, либо сдохнуть! Просто сдохнуть!!! В-третьих. Моя команда не участвовала в штурме Трона, а обреталась в провинциальном городе Лысая Капотня на планете Калган. Так вот там за подобное предложение от нормального мужика любая принцесса свернула бы шею тысяче конкуренток и, вытерев руки махровым полотенцем, тут же помчалась за подвенечным платьем. И в-четвертых. Если кому-то из вас охота ходить по-большому за воротами этого лагеря, прямо в центре ледяной равнины, я сама лично, своими руками, прямо сейчас выкину эту дуру на улицу. Потому что мне вот так (она провела ладонью около горла) надоели тренировочные лагеря наших великих и мудрых учителей, вечно заляпанный каким-то дерьмом лифчик и обещания светлого будущего для

нашего нерожденного потомства!!!

Глаза полковника сияли такой боевой отрешенностью, что сестры не то что спорить или орать не стали, а начали непроизвольно задерживать дыхание. И только Реста тогда негромко, но отчетливо произнесла:

– Если они не врут и готовы исполнять любые наши желания, то пусть перед тем, как какой-то кабан попытается на меня залезть, он сам откусит себе яйца!

Впрочем, все поняли тонкий намек Эмельгеи. Хотите вы или не хотите жить по правилам хозяев ситуации, но обсуждать это мы будем не сейчас и не здесь!

– Так что, дорогие сестры, хватит галдеть и давайте думать, как нам, оставшимся в живых (что само по себе является несмываемым позором) двадцати восьми офицерам, преподнести вот это все полутора сотням тысяч лихих рубак, в одночасье превратившимся из героев самой мощной во Вселенной армии в изгоев и рабов, и после этого удержать контроль над ситуацией в своих руках.

Всего через три часа совет в лице полковника огласил свое решение ожидавшей в купольном зале толпе. Сестры Атаки в целом принимают условия «меморандума», хотя часть из этих условий, безусловно, неприемлема и требует проведения дальнейших консультаций и переговоров. Вот именно в этот момент где-то в толпе родилось, да так и закрепилось название этого маленького, тихого и очень комфортабельного «загородного» поселка – «Бордель».

* * *

Берта еще раз повела биноклем в сторону Трескучей Реки, в то место между скал, откуда должна была появиться вторая группа разведки, ушедшая примерно сутки назад. Ничего не менялось, лишь серая мгла еще плотнее сгрудилась вокруг дозора. Инфракрасный режим. Ага, вот они! Едва заметное движение на неразличимой уже тропе, потом сигнальный фонарик узким лучом брызнул из-под плаща в сторону дозорной точки, два коротких, один длинный, все хорошо, хвоста нет.

Четверо рядовых и унтер Рада тенью проскользнули в узкую горловину пещеры, двадцать метров в полной темноте – не проблема, если ходишь по одной и той же тропинке больше года. Самодельный шлюз открывается только изнутри, только вручную и только после оглашения кодового слова, которое меняется ежедневно. Тяжелый засов с лязгом и совершенно без должного уважения к конспирации, жестко установленной Арханом «партизан» Рестой, грохнул о металлические скобы. Дверь отползла в сторону, обдав сестер клубом теплого пара, наполненного запахами тепла, пищи и еще какой-то кислятины. Первый зал длинного природного каскада пещер, растянувшегося на несколько километров под землей, сестры приспособили под продуктовый склад. Тем более что температура в нем не намного отличалась от температуры на улице. А полярной зимой, в штиль, в низинах на плоскогорье минус семьдесят по Цельсию, может, и не правило, но уж точно не исключение. Во втором зале было намного теплее. Над низким, нависающим над самой головой потолком было слышно тихое бульканье небольшого подземного горячего ручейка, скромными тонкими струйками пробиравшегося между камней и собиравшегося на полу в довольно приличных размерах прозрачную лужу. Лужа парила и укутывала окружающие ее камни белым полотнищем инея. Эта часть пещеры, так же как и первый грот, не освещалась, лишь некоторые камни были наскоро измазаны фосфоресцирующей краской, синий треугольник обозначал место скопления воды, а белые кляксы – проходы в смежные пещеры. Гуськом и слегка пригнувшись, компания разведчиков, уверенно шлепая по галечной россыпи, полого уходящей вниз, подошла к противоположному выходу из пещеры и отодвинула широкий пластиковый щит, чем-то наскоро обкусанный по краям так, чтобы плотно вставать в образовавшийся проем между жесткой скальной породой. Очередной узкий проход на этот раз, довольно хорошо освещенный все той же краской, которая сплошным слоем покрывала плоский высокий потолок, заканчивался последней «дверью» в «жилую зону». Сержант сдвинула в сторону свисающие с потолка белые с черными прожилками пушистые шкуры и, широко шагнув, прошла в «зал». Пять дюжин пар глаз повернулись к ней с немым вопросом.

* * *

«Бордель». Хорошо продуманный и так же исполненный полевой почти автономный жилой комплекс, по некоторым, совершенно не бросающимся в глаза приметам бывший уже в употреблении и явно подвергшийся некоторой реконструкции. Состоял он из центрального купольного зала диаметром до пятисот метров и примыкающих к нему двадцати пяти скатных ангаров, в

каждый из которых легко можно было запихнуть средних размеров орбитальный крейсер, да так, что еще и для ремонтников место бы осталось. В других, не столь отдаленных местах подобные модульные конструкции называли «черными ромашками» за их полное нежелание отражать какой бы то ни было свет. Причем в стандартном исполнении «лепестки» подразделялись на жилые, складские, ремонтные, операционные и прочие зоны. В нашем же случае все «лепестки» за исключением одного были близнецами и предназначались исключительно для массового скопления большого количества жильцов, причем, очевидно, одного пола, то есть имели минимум закрытых коридоров и перегородок. Что никак не отвечало канонам классической тюрьмы. Все коммунальные коммуникации, в том числе и транспортные, были проложены в цокольном этаже. Легко открывающиеся и закрывающиеся приемные ниши транспортеров сразу привлекли внимание наиболее предприимчивых поселенцев, но, как показал тут же приобретенный ими печальный опыт, ничего нового к уже имеющимся возможностям этот путь не прибавлял. Сразу же было сказано: хотите на волю – не вопрос, вон она, белая пустыня. Вся ваша. Только одно но! Все это хозяйство сверху донизу прикрывала полусфера силового щита, который совершенно свободно пропускал вовне и совершенно не хотел пропускать вовнутрь. Умерла так умерла. Единственная точка возврата – купол центрального корпуса, на котором и была организована площадка для дисколетов, транспорта для временно размещенных недоступного.

Каждый «лепесток» жил по своему индивидуальному расписанию, со сдвигом от предыдущего ровно на один час. Это позволяло максимально рационально использовать общие площади общины; столовая, душевые, бассейн, спортзалы работали круглосуточно, с постоянно сменяющимся потоком посетителей, у каждого из которых в запястье был вживлен чип-идентификатор. Главной задачей чипа было доставлять физические страдания особям, не желающим вовремя просыпаться или подвергать себя физическим нагрузкам в спортзале. Или, наоборот, желающим неоднократно питаться и беспрепятственно болтаться по не предназначенным для данной конкретной особи в данное конкретное время местам.

Упомянутое выше обстоятельство крайне осложняло нелегальную деятельность той части офицерского состава и примкнувших к ним, которая никак не желала опускаться до животного состояния и продолжала строить планы сопротивления. Имея хороший опыт конспиративной работы в городских условиях, а также уже столкнувшись с до цинизма прагматичным мышлением «хозяев заведения», полковник Эмельгея не исключала, что видеонаблюдение может осуществляться абсолютно везде, вплоть до туалетных или душевых

кабинок. А количество камер – превышать все мыслимые и немыслимые объемы. С другой стороны, вести прямое наблюдение за каждым военнопленным либо потребует привлечения такого же количества наблюдателей, умноженного на три смены, либо очень непростой системы логической фильтрации того непрерывного потока данных, который представляет массовая видео- и аудиослежка. Так вот, с точки зрения такой фильтрации как раз скопление граждан в сортире и показалось бы странным. За исключением, конечно, возможных аварийных ситуаций в столовой. А вот скопление граждан в спортзале и бассейне под шумовой фон пыхтящих, булькающих, стонущих тел ничего асоциального бы не выявило. Тем более что спортивные тренировки, по мнению Детей гнева, как раз и были самым полезным занятием для «гостей», и им в расписании уделялось наибольшее время. Что, в свою очередь, позволяло одновременно пересекаться представителям как минимум четырех «лепестков». В итоге собрание заговорщиков в спорткомплексе стало таким же бесконечным, как и все остальные процессы, происходящие в «Борделе».

* * *

– Берта, что у вас нового?

– Сегодня получили список синих приглашений. Всего двадцать пять. Всех оповестили о времени готовности. Провели медицинский осмотр.

– Все согласились?

– Все.

Берта, начальник Службы внутреннего правопорядка, назначенная Советом и одобренная Уполномоченным, как называли представителя Детей гнева, который находился на связи с колонией, вот уже месяц делала краткий доклад перед тем, как начинался новый круг обсуждения.

– Повторения есть?

– Парочка. Клара и Линда.

– Линда у нас звезда. Скоро пора будет выдавать ей золотой значок типа «100 прыжков в открытый космос».

– Ей нравится.

– А что? Кому-то не нравится? Полковник, мне кажется, пора приступить к активной фазе. Я понимаю, что информации явно недостаточно, но пока мы не начнем действовать...

Берта плашмя рухнула на тренировочный мат, ее левый хук и перенос тела на левую ногу сыграли с ней злую шутку, Эмельгея поймала ее простой подсечкой.

– ...ах ты епть!

Берта уже и не помнила, на какой планете и при каких обстоятельствах подхватила эту фразу, и тем более не помнила, что она значит, но применяла ее каждый раз, когда совершенно неожиданно попадала в дурацкую ситуацию.

– Иначе через полгода весь лагерь выстроится в очередь за синими метками, а в столовой некому будет подавать на стол!

Эмельгея чуть наклонила тело и протянула подруге руку. Но тут же ее шея оказалась зажата между ног, и оба бойца в обратном кувырке, сплетенные, словно инь и ян, покатались под ноги соседней паре.

– И сколько людей ты планируешь вывести в первой партии? Ногу пусти...

– У нас готово ровно двести комплектов теплой одежды из многослойного ватина. Как ты понимаешь, шить быстрее мы можем, но скрывать пропажу такого количества одеял, подушек и простыней становится небезопасно. Еще четыреста новых спортивных костюмов. К каждому комплекту прилагается сто дневных рационов, это уже по двадцать пять килограммов. Плюс палатка на каждую пятерку, плюс снаряжение, пиропатроны, запасные аккумуляторы к термобелью, плюс...

– Привет, девчонки, пошли в поло поиграем, там вас ждут из шестнадцатого сектора, у них вопросы есть по поводу обуви.

– Ирма, привет. Минут через десять подойдем.

Эмельгея, придавив наконец Берту грудью к мату, продолжала выламывать ей локтевой сустав.

– А что с оружием?

– Хватит. Сдаюсь! Руку пусти! Хреново с оружием. Хотя тут наша жопастая звезда пожаловалась «хозяевам», что любит стрелять. И попросила, чтобы хоть луки спортивные привезли. Посмотрим. Есть мысли на предмет открутить кое-что от спортивных тренажеров, прихватить в столовой и оторвать в химчистке. Составчики некоторые для чистки унитазов можно использовать, получится интересная взрывчатка. Инструмент у оперативщиков непременно заберем, вот, собственно, и все. На самом деле главная проблема – достать детали для электрогенератора.

Уже три месяца – надо признать, три самых холодных зимних месяца, – рядом с одним из транспортных сбросов, выходящих за силовое поле в пустыню, жила и вроде неплохо себя чувствовала сестра Куири. Рыла под снежным настом пещеры и складывала там то, что Служба оперативного обеспечения под неусыпным оком Службы внутреннего правопорядка тырила по всем углам «Борделя», сочтя полезным и жизненно необходимым для грядущего перехода по ледяной пустыне. Обрато она попасть уже, конечно, не могла, а посему обреченно терпела и ждала, когда ее более похотливые подруги сочтут наконец, что готовы к исходу. Сначала, для того чтобы она там одна совсем не осатанела, общались с ней, переругиваясь непосредственно через трубу транспортного сброса отходов, через которую она и выбралась, но силовое поле глушило ее ответы. Суть ответов была, конечно, ясна, но пообщаться «по-человечески» не получалось до того момента, как Реста не предложила прокинуть через тот же канал кабель, через который соединить портативные рации – одну у поста охраны бункера сброса отходов, другую со стороны отшельницы, предварительно удалив эфирный блок, чтобы использовать ее как телефон. Иначе, пусть даже маломощную, передающую станцию, работающую за пределами лагеря, засечь не представляло никакого труда. Вроде получилось. Куири, вооруженная полевым биноклем, найденным уж непонятно кем и где, докладывала о пролетах дисколетов, наблюдала восходы и закаты, замеряла давление, влажность, температуру воздуха, она же подтвердила информацию о том, что не дальше чем в трехстах километрах на юг наблюдаются горные хребты. Вот эти самые горные хребты на юге и предполагались как цель

продвижения первой группы «свободных». Триста километров по относительно ровному и жесткому насту, а вокруг «Борделя» наблюдалось именно такое покрытие, относительно небольшой отряд находящихся в неплохой физической форме, но хорошо подгруженных поклажей сестер, продвигаясь со скоростью пятьдесят километров в сутки, преодолет за шесть, максимум восемь дней. Причем отправить эту группу нужно было не позднее начала весны этого года, то есть дать возможность отряду преодолеть триста километров по укрытой снегом местности и потом адаптироваться и выживать, начиная с наиболее теплого и благоприятного сезона, местного полярного лета. Почему не всех? Во-первых, все не пойдут. Во-вторых, будет еще хуже, если пойдут сразу все полторы сотни тысяч человек без обустроенного лагеря, готового их принять, без оружия, без гарантированного обеспечения питанием. Любая армия либо паразитирует на ресурсах захваченных территорий, либо тащит за собой приличных размеров обоз, который, в свою очередь, один хрен паразитирует на местных ресурсах. Так вот, местных ресурсов, по крайней мере разведанных, не существовало, создать обоз также не представлялось возможным. Каждая сестра без проблем сможет утащить на себе не менее сотни килограммов поклажи и тащить этот вес не менее суток без остановки на отдых, но как минимум половину этого веса должно составлять питание самой сестры как на период перехода, так и на следующие два-три месяца. Вот подготовка комплектов обмундирования, питания и прочих жизненно важных компонентов любой экспедиции и подходила к завершению, и наступал час принятия решения. Решения об исходе первых двухсот человек за пределы комфортного теплого лагеря на снежную поверхность ледяной равнины. Как говорила Реста:

– Моя синтепоновая армия почти готова к священному акту самоуничтожения!

* * *

Рада вошла в зал и вытянулась по стойке «смирно».

– Архан! Прошу разрешения доложить о выполнении поставленной задачи.

– Вольно. Раздевайтесь и выпейте горячего. Главное, что все живы и здоровы. Докложите через десять минут.

Разведгруппа Рады ушла в предгорья двое суток назад, она была десятой по очередности за последнюю неделю, и ее задачей, как и у всех ранее вышедших

групп, был поиск исчезнувшего каравана, отправленного к «Борделю» за провиантом и оборудованием. Вестовой от каравана прибыл с докладом, что погрузка и отправка каравана прошли успешно и скрытно. Караван ждали через пять дней после вестового, но он не пришел. Погода была хорошей, безветренной и, как всегда в это время года, холодной. Караван двигался, меняя вектор направления три или четыре раза, чтобы в случае обнаружения не было возможности однозначно вычислить конечную точку маршрута, поэтому его поиск не был задачей тривиальной. Плюс позавчера повалил снег и валил целые сутки. Надежда найти пропавших таяла на глазах. Никаких средств связи «партизаны» не применяли, да их и не было в распоряжении, слабенькие коммуникаторы охранников «Борделя», созданные для работы во внутренних сетях, ловили друг друга на расстоянии не более ста метров, да и то в пределах прямой видимости.

– Замечена активность дисколетов «хозяев» в секторе 11/18, то есть буквально в сорока километрах от нашего лагеря, насчитали за два часа четыре взлета и посадки. Подошли почти вплотную. С удаления в триста метров в полдень из-за серой мглы почти ничего не видно. Различимы купола наших походных палаток, и все. Ближе подходить не рискнули.

Рада устало приподнялась с кучи наваленных на камни теплых шкур и искала глазами девчонок из своей пятерки, все они, уже переодетые в спортивные костюмы, доставшиеся в наследство от прежней сладкой и теплой жизни, занимались распаковкой, чисткой и сушкой своей амуниции. Переданный группе на время выполнения операции спортивный блочный лук и комплект стрел в чехле уже были сданы в кладовку интенданту. Однако, заметив жест Ресты, Рада опять уселась на камни. В командном углу уже начали собираться командиры других пятерок, усаживаясь полукольцом лицами к Архану.

– Правильно сделали, что не полезли наобум. Итак, караван захвачен, возможно, уничтожен, хотя, может быть, частично не тронут и оставлен в качестве приманки. Я бы именно так поступила. Но до тех пор, пока у нас есть основания считать, что в нем остаются живые бойцы, мы обязаны предпринять меры к их освобождению. Освобождение имеет смысл только в двух случаях: все захватчики, которые на момент атаки окажутся рядом с лагерем, должны быть уничтожены; все освобожденные должны быть проверены на наличие поставленных маячков. Иначе эта атака будет для нас последней. Исходя из поставленной задачи, жду предложений по тактической концепции с учетом всех имеющихся факторов. Причем жду прямо сейчас. Пейте чай.

* * *

А пока жизнь в «Борделе» текла размеренно и планомерно, полностью укладываясь в предписанную колею. Девчонки из Службы оперативного обеспечения занимались мелким ремонтом, в том числе и коммуникаций, для чего регулярно лазали в цоколь. Меняли выгоревшие пиропатроны в системе автономного отопления комплекса на свежие, «отжимая» со склада всегда чуть больше, чем нужно. Склад, он же двадцать пятый сектор «ромашки», считался закрытой зоной. Но закрытыми были лишь большинство его внутренних отсеков, а не весь ангар целиком. Попыток проникнуть в закрытые помещения до поры до времени не предпринимали. Пару раз в жилых секторах срабатывали датчики пожарной опасности, но оказывалось, что причиной были сами датчики, которые и меняли на новые. Однако сам факт срабатывания и алгоритм действий, предписанный пожарной команде, натолкнули безопасников на свежую мысль. Спровоцировать подобный инцидент в двадцать пятом не составило труда. В упаковку свежих сменных пиропатронов запихнули отработанный на две трети, то есть с нехилым остаточным тепловыделением, и отнесли эту упаковку на склад. Через полчаса термостойкая упаковка накалилась до бордового состояния, и из-под нее повалил дым, который сквознячком, создаваемым системой вентиляции комплекса, потянуло по соседним отсекам...

Пожарники, аж подпрыгивая от счастья, рванулись «тушить» пожар. Как ни странно, они оказались у входа в ангар в ту самую секунду, когда заорали базеры противопожарной системы. Поливальный автомат еще не включился ввиду отсутствия открытого пламени, зато все двери в помещениях, охваченных задымлением, оказались разблокированы. Первая же оперативница, ворвавшаяся на склад, на ходу натягивая защитные перчатки, схватила со стеллажа упаковку пиропатронов и закинула ее в противопожарный бокс. Вторая начала распахивать все двери подряд. Аварийные лампы осветили бесконечные ряды стеллажей, содержимое которых заставило остальную группу застыть с широко открытыми ртами...

Два ОПБ после полной реактивации спустили в отхожую часть транспортной сети, в одном находилась разрушенная в пыль упаковка пиропатронов, а второй, как ни странно, оказался пустым. Его же содержимое в этот момент было аккуратно разложено в одном из аппендиксов цокольного этажа на широком столе. Унты с автозагаром (так армейские называли специальную стельку, которая нагревалась до тридцати градусов, ели ее периодически придавливать ступней) и зубастой подошвой. Полярный многослойный комбез с фиговой тучей

карманчиков, а также с капюшоном и уложенными в него меховой и вязаной шапочками. Нижнее термобелье. И как самый приятный сувенир – вещмешок с фонариком, защитными очками, саперкой, охотничьим тесаком, ледорубом, нитками, иголками, мотком тонкой полигеркинитовой веревки и еще хрен знает чем.

Сандра по-кошачьи, не то ухмыляясь, не то улыбаясь, смотрела на Ресту.

– И что там еще было интересного? Плазмобои, видимо, они здесь не хранят? Очень-очень жаль!!

– Нет, оружия нет никакого. Даже игольников. Зато много оборудования. Много разных типов легких и мощных походных генераторов. Различного рода преобразователей. Электроинструмента типа дрелей, пил, ручных буров, в том числе лазерных. Даже 3D-принтеры с наполнителями и встроенными базами деталей и устройств. В общем, есть где фантазии разгуляться. На базе этого добра при наличии времени можно планетарную батарею малой мощности за полгода сконструировать.

– Они что, собирались из нас полярно-строительную артель организовать?

– Возможно, предполагали расширение или переоборудование под «детский садик», гы-гы!

– Я думаю, пора утвердить время и составить детальный план исхода для первых двух сотен. Кто-то против?

Реста глубоко вдохнула и открыла рот:

– Может быть, на базе новой ситуации кардинально пересмотреть стратегию исхода? Может, не двести, может, все желающие уйдут?

– Нет, Реста, основной руководящий форпост сил сопротивления остается здесь. У нас под руками приличные ресурсы, и мы продолжим на всякий случай сбрасывать за периметр продовольствие и оборудование. Кто знает, как у вас сложится. Уйдут, как и планировали, все безопасники во главе с Бертой, все оперативные службы, техники, пожарники. В общем, все, кто засветился в

подготовке исхода. А оставшиеся во главе со мной организуют здесь «охоту на ведьм», постараемся прикрыть истинное положение вещей, свалив все на ушедших. Ваша задача остается прежней – подготовка скрытого плацдарма, а по возможности нескольких, для принятия второй волны, разведка, картография, переоборудование инструментов в оружие и так далее. Меняются только некоторые детали плана. Выход основной группы не через северный шлюз, со стороны которого обосновалась наша «полярница» Куири, а через южный, который всего в пятидесяти метрах от ворот двадцать пятого сектора. К Куири пойдут две пятерки с запасным комплектом обмундирования. Ее «склад» не трогаем вообще. Заберете ее и деру. На юг идете четырьмя равными группами по отдельным маршрутам. Все маршруты пересекаются в месте, которое определила Куири, – выход ледника Трескучая Река на равнину из предгорий. Все, дальше сами. Связи с вами после выхода за периметр силового поля не будет. И не забудьте обесточить все мини-рации безопасников сразу, как только выдвинетесь на маршруты, а лучше вообще их выбросьте.

* * *

– Нет, девочки, вы не поняли! Атака на Детей гнева – это мероприятие, которое не имеет ничего общего с нашими разведывательными походами или с караванами, которые мы организовывали до сих пор. Атаковать их, имея на вооружении луки и стрелы из костей шарангов, это, как вы уже сказали, дело дохлое. На этот раз нам придется применить все, что у нас есть, даже наши мини-рации придется зарядить. О какой скрытности может идти речь в открытом бою?

Архан еще раз обвела взглядом унтеров, которые от предвкушения ерзали на только что нагретых попами камнях.

– Какова дистанция гарантированного прямого попадания в дисколет из нашего электромагнитного импульсного ружья? Сто метров? Вот вам радиус второго кольца атаки. Нет, не уничтожит! Но электронику спалит. Дисколет уже не жилец. Ребятам по фигу? Знаю, что по фигу! Но лучше ребята пешком, чем ребята на дисколете. Легкое стрелковое там установлено, и долбить из него сверху одно удовольствие!

– Две пятерки на дисколеты?

– Да, при этом разбиваетесь попарно. У каждой по ружью, одна наблюдает и таскает генератор, другая – стрелок. Встаете вокруг палаток звездой. Бейте, только когда дисколет зависает над целью или на бреющем идет прямо на вас, иначе бесполезно. На удалении трехсот метров оставьте засады со снайперскими лучевиками, которые переделали из буров. Они тяжеленные, их в прямом бою использовать бесполезно. Если пятерку преследуют, пусть проходит рядом с засадой! Никто не возвращается домой сразу после боя по прямой траектории! От точки контакта уходим в разные стороны. Заранее определитесь в какие. По самым коротким отправляйте тех, кто с оборудованием, но с отставанием в двенадцать часов, остальные с отставанием в восемнадцать, двадцать... И так далее. Я со своей пятеркой отхожу последней, попробую, если удастся, подобрать что-нибудь из трофеев. Освобожденных уводите на пограничные зимники, там сканируйте, а лучше по дороге. Если есть маячки, вырезайте. Если это невозможно, придется убить. И не надо так на меня смотреть!!! Я вам не сержант-воспитатель, и мы не на учениях! Все понятно? Тогда всем подъем! Готовность к выходу шестьдесят минут!

Реста сделала еще один глоток уже остывшего чая, настоящего на какой-то местной синенькой травке. Медики говорили, что все, что движется на этом плато, считает эту травку самой ценной добычей. Что минералов в ее составе больше, чем в тонне таблеток с витаминами. Отчасти именно этот факт привел к тому, что чаепитие стало одним из основных «партизанских» ритуалов. Обратили внимание на эту морщинистую синеватую растительность потому, что застали как-то весной стадо шарангов, бьющихся насмерть только за то, кому первому должно быть предоставлено право щипать эту дрянь на свежееоттаявшей полянке. Вообще шаранги крайне меланхоличные существа, поэтому сначала этот «бой» сестры списали на весеннее гормональное обострение, однако все было не так просто. Эта же травка давала возможность насытить кровь веществами, которые позволяли живой ткани замерзать и оттаивать без особых осложнений. Та самая пещера, которая теперь служила сестрам убежищем, оказалась зимним лежбищем шарангов, погружающихся на три месяца в спячку. Куча мороженого мяса оказалась как никогда кстати. Проверив состояние белка на предмет разложения, медики пришли в восторг. Небольшими нарезанными кусочками, сочащимися черной густой кровью, накормили раненых и обмороженных бойцов. Это привело к тому, что всю ночь их мучили кошмары, однако утром был официально признан факт их полного выздоровления. С тех пор мороженое мясо шарангов, зарезанных спящими, считалось деликатесом и включалось в рацион разведывательных групп. Сывороткой, выделенной из крови спящих, комплектовали аптечки разведчиков. Поговаривали, что один укол в пять-шесть раз увеличивал ресурс организма в

критической ситуации. Это при том, что Сестры Атаки никогда не были слабосильными. Однако ничего в этом мире не достается даром – через десять часов после укола, когда действие лекарства проходило, бойцам становилось очень нехорошо...

– Сестры! Наступил тот счастливый день, когда вам наконец не придется прятаться под камнями! Когда все мы встанем с колен и гордо поднимем головы! Сегодня нам выпал шанс отомстить за свое поражение, отомстить за то унижение и страдание, которое мы испытали, не погибнув на поле сражения, а оказавшись в плену, под пятой вероломных и злобных тварей, называющих себя Детьми гнева! Сегодня мы дадим им бой, бой, от которого зависит судьба нашего рода! Рода Сестер Атаки!!!

Металлический шлюз распахнулся, и пятнадцать небольших групп помчались вниз по камням и насту, неся на своих плечах странные металлические конструкции, больше похожие не на оружие, а на впопыхах разобранного робота. Последняя пятерка проводила своих подруг долгим тревожным взглядом и захлопнула вход.

* * *

Решившись наконец на начало операции «Исход», Эмельгея не стала заморачиваться на предмет, как в очередной раз разблокировать двери складов в двадцать пятом секторе, проделав тот же фокус с пиропатроном. Тем бойцам из двух сотен, которым в это время по расписанию было положено спать, обмотали запястье с чипом мокрыми полотенцами, этого, как показывали исследования, было достаточно, чтобы экранировать метки. Процесс изъятия комплектов, а также оборудования и других припасов, переодевания и затаривания баулов прошел на удивление быстро и слаженно. И лишь когда вся эта хорошо утепленная толпа ломанулась к шлюзу, система наблюдения дала знать о своем существовании. Базеры сирены заревели, видимо, в целях привлечения к данному факту внимания сотрудников Службы внутренней безопасности. Объемные динамики оповещения по всему центральному корпусу спокойным баритоном призвали всех свободных сотрудников охраны срочно явиться к южному шлюзу. Но поскольку все сотрудники этой службы и так уже были здесь, а шлюз был открыт и заблокирован механически в таком положении, процесс исхода эта информация остановить не могла. «Освобожденные», шустро выскакивая на свежий воздух, рысцой бежали к границе поля, преодолев его,

делились на четыре группы, при этом помогали друг другу натягивать плащи из белых простыней. Первые пять десятков без дальнейших указаний, также рысцой, потрусили на юго-восток. Следующая группа развернулась и тронулась на юг, коридор перед шлюзом уже полностью опустел, последняя группа из сорока бойцов, добежав до западного склона силового купола, дожидалась сестер, которые должны были пройти через северный выход и соединиться с ними. От начала операции с момента объявления пожарной опасности прошло не более пятнадцати минут.

Две пятерки выскочили из северного шлюза и поскакали вдоль черного «лепестка» к его торцевой части. Не сбавляя темпа, проскочили силовое поле и развернулись на запад, в сторону схрона «полярницы». И в этот момент метрах в пятидесяти перед ними выросли квадратные, чуть сгорбленные огромные фигуры в легкой полевой форме. Трое «детей» держали в руках здоровенные кривые армейские секиры, четвертый боец плотно удерживал под мышкой правой руки что было сил извивающуюся сестру Куири. Не то кашляя, не то лая, он прорычал:

– Деффчонки, положите оружие на землю, развернитесь в сторону купола и встаньте на колени! Если вы не будете сопротивляться досмотру, мы не станем препятствовать...

Договорить он не успел. Куири, извернувшись и освободив одну руку, дернула за шнурок, свисавший из-под ее шарфа. Яркая вспышка и страшный грохот ударили в спину и бросили в снег тех троих, что не торопясь приближались к онемевшим беглянкам. На месте же взрыва не осталось ничего, кроме едкого дыма и пара, серым туманом укрывающего оголившиеся камни. По сферической плоскости силового шита, неуклюже подпрыгивая и переворачиваясь в воздухе, скользила вниз чья-то изуродованная обугленная голова...

Онемение прошло. Быстро оценив ситуацию, вся команда, которая должна была обеспечить эвакуацию «отшельницы», с диким визгом выхватив ножи, бросилась добивать поверженного врага. Лейтенант уже почти поравнялась с ближайшим лежащим в снегу телом, но внезапно оступившись, словно срезанный сноп, рухнула на камни. Из ее спины торчал обрезок двухдюймовой металлической трубы, раньше служивший посохом «полярной отшельнице». Все три страшные фигуры поднялись с колен и черными молниями метнулись навстречу нападавшим. Трое против восьми. Секиры против ножей.

У одной сестры в руках быстро мелькал кованый гриф от спортивной штанги. Она смогла нанести два или три удара, один из которых достиг цели. Еще двое умудрились выстрелить в упор сигнальными ракетами, больше ослепляя и отвлекая, чем обжигая противников. Через восемь секунд все было кончено. Перерубленные пополам, обезглавленные или просто проколотые насквозь трупы сестер были разбросаны на площади в три десятка метров. Один черный комбинезон с опаленной и истыканной осколками от взрыва спиной лежал между ними.

* * *

– Что за дерьмо происходит?! Что они вытворяют, откуда у них гранаты? На кого они напоролась?

Услышав грохот взрыва и рассмотрев, откуда поднимается столб дыма, капитан Омелия, начальник западной группы, приняла единственно верное решение. Две пятерки отходили на запад с двойной поклажей, медленно, явно показывая направление движения. Оставшиеся тридцать бойцов, бросив половину припасов, галопом помчались на юго-восток – догонять первую группу. Оставшееся прикрытие – сама Омелия и еще девять бывших сотрудников Службы внутренней безопасности – боковым зрением заметили приближение двух «носорогов», они бежали им наперерез, быстро сокращая дистанцию широкими прыжками, однако один заметно отставал от второго. Это было тут же использовано.

Омелия спала с «носорогом» два раза. Оба раза ее «приглашали», и она не отказывалась. Она не испытывала иллюзий на предмет их сексуальных навыков. Но противника нужно было знать в лицо. В постели они вели себя как старшеклассники, часто моргая и обливаясь холодным потом, быстро прижимали партнершу к кровати и, два-три раза качнув корпусом, отваливались в сторону, то ли похрюкивая, то ли хихикая от удовольствия. Теперь эти «старшеклассники» жаждали только одного – убить врага, который посмел нарушить их правила и вероломно напасть на «мирных» жителей этой планеты.

Первый «носорог» влетел в них как вертолет, его секира металась из стороны в сторону со скоростью лопасти в режиме форсажа. Трое бойцов контратаковали с фронта, создавая для его внимания точку наивысшей боевой опасности, остальные фигуры, мелькавшие сбоку, не проявляли активности и

придерживались периферийным зрением про запас. Омелия знала, что «этот вопрос» можно решить точным ударом тесака в основание черепа, именно там была возможность перерубить нервный ствол «носорога», и складки толстой ороговевшей кожи не смогут удержать хорошо отточенный клинок. Семеро боковых «танцевали», уходя в заднюю полусферу обороны «носорога», а там должен был уже подходить партнер по охоте на этих зубастых сучек. Свист клинка за ушами, острая боль в шее, его секира, молнией разрубив по диагонали сразу двух нападавших спереди сестер, делает нижний замах назад и поддевает ту, которая умудрилась его достать сзади. Все. Пара микросекунд, кровь, бьющая фонтаном из разрубленных врагов, тяжелый удар коленями о камни под снегом и блеск клинка, вонзающегося в его правый глаз.

Второй, не успев к развязке буквально на полтора метра, окружен быстро перемещающимися целями. Они держат дистанцию. Они знают, что он ранен и не может сражаться в полную силу. Но они не знают, сколько раз он уже попадал в такую ситуацию. Улыбка на морде этого монстра больше напоминает оскал голодного хряка. Он продолжает кружиться в танце смерти вместе со своими противниками, всматриваясь в их глаза, и понимает, эти девочки убивали не меньшее количество раз. Им терять нечего, они сосредоточены и спокойны. Легкое движение одной из них в сторону центра круга, и его секира взмывает на нужную для атаки высоту, вжик – и допустившая ошибку сестра теряет свой клинок вместе с рукой, отрубленной по самое плечо. Но это шанс. Еще одна бросается прямо ему на руки. В тот момент, когда, орудуя ножом, он короткими толчками перерубает ее ребра и крошит в капусту потроха, легкий толчок ногой в плечо разворачивает его корпус, а точный удар в шею перерубает нервную ткань и загоняет клинок в позвоночник. Клинок с металлическим хрустом ломается. Рукоятка остается в руках капитана.

Руки опускаются, Омелию накрывает легкая дрожь. В рукопашной она сходилась не часто, а это и есть истинный бой, когда ты смотришь в глаза тому существу, которое убиваешь и которое в этот момент пытается убить тебя. Только вы двое, никаких армий, стратегий, никаких речей о высоком долге. Только ты, он, кровь и смерть.

* * *

Это было тогда, а теперь Архан не скрывала улыбки, наблюдая за тем, как слаженно действовали ее «партизаны». За десять километров до точки контакта

пятерки начали расходиться, каждая целя на ту позицию, к которой приписана. Атакующее ядро разделилось на две части, которые, не останавливаясь, продолжают двигаться вперед, смещаясь к флангам. Остановка перед атакой не предусмотрена. Охраны визуально не наблюдается. Первые две пятерки прикрытия уже на позициях, рассматривают объект с трехсот метров в ИК-диапазоне. Всего три палатки. В первой и второй по два живых человека. В третьей – три. К третьей и подходит атакующая группа. Боевого контакта нет. Вторая палатка – еще две связанные сестры с кляпами во рту. В третьей палатке опять свои. Первый вынуженный кляп и первые хрипловатые слова:

– Это засада. Они где-то рядом. Развяжите быстрее. Дайте нож!

Ночную тишину раздирает несмелый хлопок. Дисколет, не спеша и почти беззвучно идущий на бреющем со стороны севера, попадает под луч электромагнитной пушки. «Дети» ну прямо как дети, даже не поняли, что произошло. Дисколет продолжает движение вперед, проносится над палатками и только после этого, заваливаясь набок, вгрызается в снежно-каменистый стол ледяной пустыни. Будь они в десантном посадочном модуле, даже испытывая больше трех десятков g перегрузки, пристегнутые к стенкам в компенсаторах, они бы при столкновении с поверхностью только почесали себе пару полученных синяков. Но на обычном гражданском дисколете, который, падая, разлетается в щепки и при этом взрывается, уцелеть непросто. Палатки разметало в разные стороны. Кто-то из наблюдателей вышел в эфир с сигналом «два верх». Два дисколета опускаются сверху прямо над площадкой, вместе с ними или, точнее, под ними на площадку опускается полупрозрачный, слегка поблескивающий купол силового поля. Вот, значит, чего они хотели. Потихонечку накрыть куполами все три палатки, пока сестры будут, причитая, отвязывать своих от кроватей. Еще два хлопка. Второй дисколет виляет к западу и открывает беглый огонь трассером по точке, из которой сработала рация наблюдателя. Ненадолго зависает, давая возможность трассеру прицелиться. Нервишки, видно, не выдержали. Начали стрелять, теперь только держись. Хлоп, хлоп, хлоп, и этот начинает заваливаться набок. Из него высыпаются четверо парней, очередью шлепаются на землю. Вскидывают и стремглав несутся в сторону центральной площадки. Первого и плотно бегущего за ним второго срезает моргнувший откуда-то из-под снега с характерным шипением тонкий голубоватый лучик. Двое других плашмя падают в снег. Похоже, они не рассмотрели, откуда по ним шарахнуло. Вот оно как без боевой брони под лазеры соваться.

Над центральной площадкой продолжает висеть еще один дисколет, оттуда никто не стреляет и никто не падает. Если они не сообщили о своем положении несколько секунд назад, теперь ждать подкрепления было бы уже бессмысленно. Архан впервые пожалела, что не подтащила хотя бы один лазер к палаткам.

- Пятерка Нэнси со «станком», бегом ко мне!

Со стороны, противоположной той, откуда мчались резвые прыгуны, буквально через три минуты подлетела одна из засадных пятерок. Все это время соблюдался молчаливый статус-кво: парни лежали, шарик висел. Видимо, парни решили, что количество сюрпризов перевалило за предельную черту и стоит немного присмотреться к ситуации. Пятерки, составляющие ядро атаки, спешно отходили из круга. По рации передали:

- Смотреть в оба на дисколет.

Нэнси, прицелившись в топливные танки, нажала на спуск. Сначала всем показалось, что из дисколета куда-то в сторону метнулась струйка огня, потом танки грохнули, поднимая в небо тучу камней. Ошметки корпуса разлетались огромным ярко-красным цветком.

- Всем пятеркам - подтягиваемся к «пехоте»! Только без фанатизма! В плен не брать! Двойки с «магнитами» - вам уходить! До скорого!

Первый контакт состоялся в стороне от места первоначального «залегания». Парни очень профессионально и довольно шустро уходили на север в сторону «Борделя». Очередь из игольника подчистую скосила пятерку, первой наткнувшись на Детей гнева. Но кольцо безжалостно сжималось. «Станки» утюжили по камням. Протяжный хрип оповестил, что как минимум одно попадание в цель есть. Цепь бойцов уже видела своих подруг, идущих навстречу, когда еще одна очередь из игольника вспорола пару арктических комбезов. Теперь «станки» обработали буквально десяток квадратных метров, и игольник затих. Последний из нападавших на караван, а теперь изрешеченный и порезанный на дымящиеся куски, лежал на животе, обнимая каменное плато своей планеты скрюченными руками.

- Все рации, оружие обесточить. Своих мертвых забрать. Расходимся по плану.

Реста рассматривала в бинокль обломки дисколетов, в памяти вновь начали всплывать образы из рассказа вестовой о неудачном начале «Исхода». Почти пять лет назад они уходили из «Борделя», и только чудо, чудовищная снежная буря и капитан Омелия спасли тогда от провала. Первый их бой на планете Светлая не стал последним только благодаря этим троим. Сколь наивны они были тогда в своих стратегических построениях, столь же бесстрашны и непредсказуемы были их оппоненты. Весь план исхода строился на допущении, что в «Борделе» нет Детей гнева или они, по крайней мере на начальной его стадии, никак не будут препятствовать исходу. Но эта Куири со своими химическими заморочками чуть не перечеркнула все. Только из-за этой дуры сразу потеряли девятнадцать человек – почти десять процентов всего личного состава. Нарвавшись на засаду совершенно озверевших Детей гнева, капитан с остатками группы прикрытия продолжала демонстративно уходить на запад, и два дисколета, примчавшихся по сигналу тревоги, бросились за ними. Саму Омелию и двух ее напарниц, которые вместе с ней сбросили белые накидки еще возле «Борделя» и издали маячили яркими красно-черными арктическими комбинезонами, накрыли силовым полем и три часа потратили на уговоры сдаться, вернуть оборудование и идти на все четыре стороны. Но Омелия тянула время и сдаваться не собиралась, хватило ей этого позора еще на Троне. А когда три «носорога», принципиально не носившие боевые десантные доспехи на своей планете, попытались войти в силовой купол, всего одной сестре, вооруженной трофейным игольником и прятавшейся все это время за пределами купола, удалось вывести их из строя. Тут же она была расстреляна с борта второго дисколета, но свое дело она сделала. Что случилось после этого, было совершенно непонятно, не то стрелок со второго дисколета попытался расстрелять сестер, накрытых куполом, и зацепил первый дисколет, не то в отсутствие команды произошел какой-то сбой, но дисколет, прикрывавший полем своих пленниц, резко снизился и взорвался прямо над их головами. Все было кончено. Последняя оставшаяся в живых сестра, вестовая Тирана, наблюдала этот бой с расстояния в километр. Капитан поставила ей задачу во что бы то ни стало выжить, добраться до точки сбора и рассказать обо всем, что произошло. Последний же оставшийся в живых пилот дисколета, тот самый, который оказался никчемным снайпером, собрав раненых, помчался в сторону гор. Ему было уже не до поисков сбежавших. Потом целые сутки валил снег, порывы ветра закручивали его в сплошной водоворот, хватавший и подбрасывающий вверх тяжеленные мешки с поклажей сестер. В таких условиях поисковый дисколет, опустившийся ниже уровня облачности, был бы похож на бабочку, которая угодила в торнадо. Сетка грозových разрядов, которой был пронизан верхний слой облаков, надежно блокировала попытки отследить местонахождение отрядов. Поиски возобновились лишь двое суток спустя. Но

было уже поздно...

Реста тряхнула головой, прогоняя навязчивые воспоминания. Пора было уходить.

* * *

Вчера вернулась последняя группа, участвующая в разгроме засады Детей гнева. Реста решила не рисковать и дней десять не высовываться из предгорий. Впервые за последние пять лет в их маленьком лагере царила праздничная атмосфера. Даже освобожденные караванщицы не выказывали упаднических признаков. Они кучковались по углам и с ехидной улыбкой, а кто и вообще чуть не плача от хохота, рассказывали подругам, как это было.

– А у меня руки связаны за спиной и кляп во рту. Он подходит такой, штаны на ходу расстегивает. Ну, думаю, щаз как достанет свою кувалду, как даст... А у него там между складок что-то розовенькое высовывается, того и гляди не донесет, по дороге потеряет!!!

Гогот поочередно раздавался то из одного, то из другого угла, между которыми виднелись пустые пространства, не застеленные тюфяками и спальниками. А еще три года назад некуда наступить было.

Из трех пятерок, составлявших караван, удалось спасти только семерых, найденных в палатках. Численность отряда неуклонно сокращалась. Но, видимо, недостаточно быстро, если «хозяева» решились-таки заняться охотой на них. До сих пор они в подобном замечены не были. Вообще после «Исхода» их оставили в покое, видимо, решив, что овчинка не стоит выделки. И вот теперь...

Освободив этих семерых, они потеряли еще десяток. Итого семнадцать человек за неделю. Так что же произошло, что изменилось в раскладе?

Архан вышла в крайнюю пещеру. Глаза, привыкшие к темноте, в состоянии были рассмотреть баулы с ягодой, два десятка туш шарангов, забитые до отказа дневными пайками пластиковые ящики, сдвинутые в угол, и еще много всякой мелочи, которая разнообразила рацион. И это к окончанию зимовки. Запасы собирались большим количеством сестер, чем потом потреблялись. За пять лет они исследовали и оборудовали под проживание несколько больших залов этого

каскада пещер, хотя использовали едва ли десятую долю, экономя пиропатроны, обогревающие пространство высоких скальных сводов. Провели ряд экспедиций по перевалам горного массива, оставив там летники, схроны продуктов, лекарств и оборудования в землянках, замаскированных между камней. Составили довольно точные и детальные карты с ландшафтными метками и ссылками на ориентиры. С указаниями на типовые маршруты как транспортных, так и патрульных дисколетов. За все это было заплачено с лихвой, заплачено сотней душ. Но второй волны не было, не было даже намек на ее подготовку. Записки с донесениями из «Борделя» все еще поступали. Караванщицы выискивали их среди сбрасываемых пайков, упаковок с пиропатронами и обломков оборудования. Но судя по ним, желающих продолжать борьбу за пределами благоустроенной и комфортабельной жилой зоны «Борделя» становилось все меньше, а поводов отложить вторую волну все больше. И поэтому вопрос – а на фиг и для кого все это – мог возникнуть в любой момент.

Вчерашняя победа была долгожданной и необходимой, определяющей дальнейшее выживание. Но вот что же все-таки делать дальше?

Охранница возле шлюза коротко козырнула Ресте, та махнула рукой и повернула обратно в сторону жилой зоны. Вынужденные «выходные» действовали на нее удручающе. А в таком состоянии ей не хотелось маячить перед подчиненными. Ее не оставляли в покое нехорошие предчувствия и неприятные догадки. Во-первых, захватив караван, даже редкий дебил поймет, откуда в нем взялись, да еще в таких количествах, армейские пайки и упаковки новых пиропатронов. Поэтому при любых раскладах наверняка это был их последний караван. Во-вторых, раз караванщиков не убили, то, видимо, и не собирались. Поскольку для засады, по большому счету, это не имело никакого значения. Значит, их целью не является истребление сестер. А какова цель? Зачем тогда ловить? Неужели для своих «экспериментов» им мало сотни тысяч оставшихся в «Борделе»?

Приближается весна, а потом короткое полярное лето, время охоты и накопления запасов. Что-то подсказывало Ресте, что эта весна будет не самой легкой с тех пор, как они переселились в предгорья.

* * *

Полярное лето в ледяной пустыне было коротким, но ярким. Температура в плюс пять или даже семь градусов тепла держалась не более двух недель, а выше

нуля не более полутора месяцев. Зато за эти полтора месяца природа успевала развернуться во всей своей красе и многообразии так бурно, что в глазах начинало пестреть от ярких цветных пятен мха, расползающегося по камням. Огромные жуки с жужжанием спешили по своим делам. Шустрые серенькие птички деловито ловили их, с быстротой бензопилы вскрывали панцирь и поглощали свежую и невероятно вонючую мякоть. Еще более шустрые ящерицы воровали их яйца и, не утруждая себя поиском обеденного стола и солонки, проглатывали добычу, выплевывая после этого остатки скорлупы. Шаранги, такие покладистые и меланхоличные в зимние холода, с горящими глазами круглосуточно поглощали молодые побеги мхов и лишайников, выискивая среди них редкие поросли «синьки», совершенно игнорируя любую другую деятельность. В общем, все, кто мог двигаться, ползать, летать, плавать, прыгать и жевать, активно питались друг другом, нагуливая жирок. Партизанские пятерки расползались по летникам и, не теряя ни минуты, заполняли закрома всем, что мог с пользой для себя переварить их организм. В броских и неудобных комбинезонах не было необходимости, вполне хватало свитеров и спортивных костюмов. За пять лет они покрылись таким количеством разного рода и цвета пятен, что не уступали полевым маскировочным накидкам. А в комплекте с капюшоном, очками и тонкими перчатками замечательно обороняли от мошки, дружно сосущей кровь из любого организма, не готового к ее присутствию. Реста с двумя полными пятерками обосновалась на берегу небольшого горного озера, образовавшегося в расщелине таким образом, что один берег был всегда в тени и снег там никогда не стаивал, зато другой двадцать два часа освещался летним полярным солнцем, и живность возле него просто кишела. Походные палатки стояли в тени и издали ничем не отличались от немного подтаявших сугробов. Такое положение не только хорошо маскировало стоянку от нескромных взглядов со стороны, но и, самое главное, шустрая дружная мошка не переносила ледяного дыхания вечной мерзлоты. Сразу после пробуждения и завтрака половина сестер уходила в небольшую заросль кустов, чем-то напоминавших скрюченные молодые сосенки, и собирала там шишки, семена из них выколачивали уже в лагере. Вторая половина, вооружившись самодельными сачками, устраивалась в засаде на берегу, карауля длинных, толстых черных угрей, норами которых был испещрен весь прибрежный песок. Угри – твари очень осторожные, когда требовалось вылезти из норы, и чертовски быстрые, когда нужно было зарыться обратно в песок. Ну и опять же, в жаренном на камнях виде вкуснее их мало что попадалось в этих краях. Ловились они, как уже было указано, сачками с длинной, метра четыре, ручкой. Команда ловчих формировалась не наобум. Всю зиму в пещерах бойцы устраивали тренировки и игры по подбору с плоской поверхности дорожки, выстроенной из отдельных круглых камешков, одним

замахом сачка. Подобрать нужно было всю дорожку, не уронив ни одного камня. Так вот чемпионы летом и отправлялись на этот берег. Ловля длилась не весь день, а всего часов восемь, то есть так, чтобы дать угрям время наползаться вдоволь после окончания охоты. До ближайшего летника, то есть замаскированного в скалах убежища с резервом еды, воды, лекарств и пиропатронов, от озера было не более двух километров, и именно туда отправляли все свежедобытое.

День подходил к концу, когда дозорная, разлегшаяся на отроге скалы, тихо, но протяжно, с переливом, имитируя жукохрустов, свистнула два раза подряд. Что значило, что в пределах ее видимости появился и опознан дружественный субъект.

Архан не стала выходить из палатки и продолжала потрошить и готовить под маринад жирные длинные тушки. Вестовая выросла перед ней через полминуты после сигнала и, вытянувшись по стойке «смирно», отдала честь.

– Говори.

– Командиры второй и третьей группы с западной части горного хребта просят вас срочно прибыть на центральную базу для совещания. Необходимость совещания вызвана неплановой активностью дисколетов в их районе охоты.

– Хорошо. Выходим через час. Соберите два стандартных походных комплекта. И еще! Мешок с орехами прихватывайте с собой. А то на базе их уже полгода нет.

Дисколет задолбал. Он вертелся в самой плохо защищенной рельефом и растительностью зоне собирательства муслики – черной ягоды, в период созревания осыпающей приличные площади. Здесь ее можно было добывать в промышленных масштабах. И при том, что на сбор у девчонок было всего-то две недели, потом она перезреет и превратится в нетранспортабельный горький кисель. Командиры предлагали вытащить на скалы трофейный трассер, пару лучевиков и пару «магниток», подманить этого козла к засаде и свалить одним залпом. Надо признать, что последнее время дисколеты беспокоили их регулярно. Не предпринимая активных действий типа ловли под магнитное поле или выброски десанта. Но постоянное барражирование над территориями, которые имели оперативную ценность, раздражало и нервировало. Отвлекало от важных дел, связанных с заботами и подготовкой к наступлению скорых

холодов.

- Предлагаете устроить еще одну бойню? Наподдать парням по яйцам? Не время сейчас, других дел по горло. Они ведь после того случая на рожон не лезут и с сексуальными домогательствами поостыли.

- В первую очередь они мешают выполнять ваш приказ о подготовке к зиме! Их действия иначе как агрессивными назвать нельзя!

Берта, набычившись, ходила вдоль сидящих на корточках командиров групп.

- У нас осталось пятнадцать пятерок, включая охрану базы. То есть всего семьдесят пять человек. Сколькими из них ты готова пожертвовать, чтобы собрать на двадцать ведер муслики больше, чем сделаешь это в присутствии гребаного дисколета? При этом мы минимум на неделю прервем все работы по добыче продовольствия. Еще раз напоминаю: караваны от «Борделя» мы больше не гоняем!

На последней реплике Реста понизила тон и отхлебнула чая.

- Наш план не предполагает потерь личного состава, мы также готовы не отвлекать от работы восточные группы. Всю работу сделаем за три дня вместе с подготовкой, а если повезет, получим еще один трофейный трассер. Мы ведь, в конце концов, сюда из «Борделя» не за грибами приперлись!

- Не предполагает? Не за грибами?

Реста и Берта были слишком близки, чтобы препираться или тем более ругаться. Все остальные уже давно привыкли к подобного рода диалогам и понимали: Берта – это зеркало, глядя на которое Реста спорит сама с собой. Девочки хотели своей славы, и одинокий дисколет вполне подходил на роль большого злого кита, костями которого можно украсить зал воинской доблести. Не дать им этого, вырвать у щенят полосатого котенка, опозорить щенят на всю оставшуюся жизнь. Согласиться. И нарушить сложившееся равновесие, получить новые трупы во славу боевой доблести и боевого духа вымирающего гарнизона.

- Хорошо. Но на меня не рассчитывайте. Посмотрю на вашу охоту со стороны.

Командиры групп сбросили с себя напряжение последнего часа и радостно загомонили, обсуждая детали уже проработанного и согласованного плана. Единственное условие, которое должно было быть выполнено неукоснительно, это проработка плана отхода через скальные коридоры с минированием точек входа в них.

* * *

Пятерка, не скрывая направления движения и нахально демонстрируя отсутствие оружия, подходила к россыпи приличного размера валунов, которые вполне могли послужить прикрытием стандартной пехотно-моторизованной дивизии. Дисколет, как послушная собачка на поводке, двигался следом, не проявляя признаков агрессии. Эта картина кому угодно могла рассказать о многом. Но только не увлекшимся своей будущей победой Сестрам Атаки. Берта, целясь из электромагнитного импульсного ружья собственной конструкции, ласковым голосом подбадривала сама себя:

– Ну, давай, милая. Ну, еще сто метров. Вот, молодец. Молодец. Няшка. Дам тебе морковку.

Привычное уже «хлоп, хлоп» – и дисколет замер над самой серединой каменной поляны. Из-за двух ближайших валунов высунулись улыбающиеся во весь рот сестры, неторопливо разворачивая в сторону дисколета импульсные лазеры перфораторов. И...

Откуда-то сверху, намного выше висевшего над головой дисколета, несколько точных и смертельных ударов плазмой накрыли и улыбающихся девчонок со станками в руках, и Берту с «магнитом», и прятавшегося на гребне пулеметчика с трассером. Вмиг армия доблестных разрушителей дисколетов лишилась всего военного потенциала. Земля под ногами дрогнула, правильным кольцом окружая поникших воительниц, падали десантные боты, и из них на не успевшие еще остыть от удара камни как горох сыпались десантники в полной штурмбронне. От работающих вполсилы подавителей сводило кишки и хотелось блевать. А кто-то грозный сверху мягко и понятно предупреждал, что во избежание ненужного кровопролития не стоит оказывать сопротивление войсковым десантным частям.

И все бы ничего, но откуда-то сверху, из-под нависающей над камнями скалы, по десантникам забарабанил второй, непонятно кем приготовленный и укрытый в скальной породе трассер. Броня, конечно, броней, но и трассер – не игольник. Правильный круг десантников рассыпался за доли секунды. Нахальная невооруженная пятерка, воспользовавшись паузой, бросилась к гротам, а по расщелине, из которой продолжал бить трассер, одновременно чавкнуло с десяток плазмобоев. Последним штрихом этой молниеносной с точки зрения жевавшего в пятистах метрах от центра событий мох одинокого шаранга стал спровоцированный взрывом обвал, замуравивший вход в гроты, через которые стремительно промчались несколько оглохших Сестер Атаки.

Скала, нависавшая уступом над притаившимся в небольшом ее углублении трассером, еще булькала расплавленным камнем, когда на нее уже карабкались пятеро десантников, а с борта дисколета, барражирующего в двух метрах, выдвигалась телескопическая лестница с концевым захватом. Подтягиваясь и влезая на лестницу, команда «спасателей» сгрудилась перед входом в расщелину. Потом двое нырнули внутрь и тут же вынырнули, волоча в руках обмякшее и неестественно изогнутое тело. Этот мешок, явно бывший еще недавно человеком, они тут же потащили к уже растопырившемуся между камней небольшому медицинскому шаттлу. «Носороги», построенные возле ботов в ожидании команды на убытие, побрякивая тяжелыми плазмобоями о броню скафандров, с интересом и некоторым недоумением наблюдали завершение «спасательной операции» по выемке тела из расплавленной скалы. Сержант Ерик Черный Кулак, ковыряя длинным когтем между зубами, подошел к соседнему боту.

– Сизый! Ты видел? Граф собственноручно эту дуру в медкапсулу запихнул! С чего бы такая честь и забота?

– А кого туда еще запихивать? Остальных вон по пластиковым мешкам распихали. Ты че, думаешь, костоломы на шаттле по нашу душу тут терлись? На хрен они нам тут не нужны, да и мы им тоже не сильно интересны.

– Разговорчики в строй! Всем заткнуться и на борт шагом марш! А ну живей, жирные ленивые куски куриного помета! Пофилонили, в зубах поковыряли, свежим воздухом подышали – и хватит!

Ерик шмыгнул в строй, демонстрируя лояльность командиру, и шеренга десантников, развернувшись, двинулась к посадочному шлюзу бота.

* * *

Последнее, что помнила Реста, это жуткая, рвущая грудь обида на Бертю, на себя, на этот предательский дисколет, обида и ярость! Вибрирующий в руках казенник трассера, выставленного на полную мощность. Скачущие в прицеле черные блестящие фигурки десантников. Потом толчок в правое плечо, отбросивший ее от «амбразуры» грота в самый его дальний угол, обжигающее пекло вокруг и падающие на ноги с потолка камни. Еще она успела левой рукой вколоть себе двойную дозу «синьки» и нащупать под одеждой кобуру игольника. Потом боль отступила, и тело наконец провалилось в черную пропасть беспомощности, перестав умолять о пощаде...

...Она понимала, что глаза у нее открыты, и даже попыталась пошевелить пальцами, но это оказалось не так просто. Где-то на задворках сознания она пыталась определить, что же с ней происходит, это смерть или рождение. Что-то сейчас должно произойти, наверное, откроется крышка большого ящика, и чьи-то руки потянут ее из теплой, комфортной ванны на холод... Открылась, точнее, бесшумно скользнула в сторону темнота, заполняющая открытые глаза, и свет ворвался в них, вновь безжалостно выдергивая Ресту из мягкого и теплого небытия.

Пучки шлангов и присосок отползали и прятались в стенках капсулы, жидкость, журча и закручиваясь воронкой, уходила в дренаж. Теперь пальцы шевелились, и ноги сгибались в коленях. В каких коленях, их там раздавило в лепешку! Даже сейчас она помнила тот противный хруст и видела брызги крови, перемешанные с обломками костей. Еще минуту. Не хочется вставать. Над головой белый потолок, такого она не видела со времен «Борделя». «Борделя»? Ага, вот оно что! Капитан, крепко ухватившись обеими руками за скользкий край ванны, резко подбросила тело вверх. Теперь перед ней была вся комната. Небольшой многофункциональный столик и два мягких кресла с ухватистыми подушками, стоящих в центре белоснежной пустоты. В дальнем кресле в расслабленной позе нога на ногу сидел и смотрел на нее в упор странного вида мужик. Две чашки дымящегося кофе на столике. Запах кофе, первый в этой жизни запах. Реста выпрямилась и, перешагнув край капсулы, встала мокрыми ногами на теплый белый пластик пола. Стремительным и в то же время легким, едва уловимым жестом мужик швырнул в ее сторону что-то мягкое, автоматически схваченное ее руками.

– С возвращением, капитан. Надевайте халат и присоединяйтесь. Кофе и пара бутербродов с беконом вашей фигуре, поверьте мне, не повредят.

Это было сказано таким тоном, что, даже явно не будучи приказом, не предполагало каких-либо других вариантов развития событий, нежели единственный предложенный. Крышка столика произвела не совсем понятную манипуляцию, и в ее центре возникло блюдо, наполненное только что предложенной едой. Халат оказался как раз впору. Мокрые волосы щекотали шею и приятно пахли чистотой. Реста с жадностью поглощала бутерброды, запивая их обжигающим кофе. Станный мужик неторопливо наблюдал за этой расправой, при этом сам время от времени отхлебывая из своей чашки. Ослепительно-белая рубашка с коротким рукавом, не скрывающая атлетической мускулатуры, аккуратно заправлена в серые брюки явно военного покроя, стянутые на талии широким кожаным ремнем с металлической пряжкой. Черные, начищенные до блеска туфли. Кожа, нет, скорее мелкая чешуя, отливающая сталью на внешней стороне кистей рук, такая же, только покрупнее, – на голове. Прямой нос и широко посаженные серо-голубые глаза. На воротнике рубашки небольшой золотой значок – оскаленный клыкастый череп сжимает зубами две перекрещивающиеся молнии. Почти «носорог», но едва уловимое отличие в изящном сочетании неоспоримой силы и безусловного интеллекта явно ставили этого их представителя на две ступени выше. Глубоко в подсознании вертится предательски-сладковатое чувство, что, наверное, стоило шесть лет просидеть в пещере ради этого момента. Халат, нахально распахнувшись, открывает белое тонкое плечо и совсем немного грудь.

– Мой щедрый и ненавязчивый хозяин назовет мне свое имя?

– Северо. Для друзей. Граф Северо Серебряный Луч для всех остальных.

– Так как же мне, граф, называть вас?

– А вот это решать вам, капитан, Архан Реста Леноя, Сестра Атаки.

Следующее четыре часа Реста занималась чем угодно, но только не тем, на что рассчитывала, совсем не в обществе графа. Когда граф предложил Ресте пройти в соседнюю комнату для осмотра медиками, она вообразила себе, что это как раз такой осмотр, какой проходили сестры, получившие синие метки. Но все оказалось намного скучнее. Экспресс-анализ крови, лимфы, других жидкостей

ее организма. Проверка моторики, световосприятия, реакции на разного рода звуки и запахи. И еще много всего, точно никак не связанного с ее полом. Когда наконец Ресту оставили в покое, на медицинской кушетке перед ее носом положили комплект одежды, состоящий из все тех же просторной белой рубашки, серых брюк и черных туфель. Застегнув последнюю пуговицу, капитан оценивающе посмотрела на себя в зеркало. Сколько времени прошло с тех пор, когда она вот так, не торопясь, поправляла волосы в последний раз? Да ладно, не все еще потеряно... Реста улыбнулась и решительным жестом опять расстегнула верхнюю пуговицу рубашки, отошла от зеркала, немного помедлила и расстегнула еще одну.

Меню обеда оказалось на редкость простым и при этом необычайно аппетитным. Русские зеленые щи со сметаной и хрустящими ржаными хлебцами, ленивые голубцы в изумительном томатном соусе и компот в граненом стакане с пирожком с яблочным вареньем.

– Граф, вы определенно решили меня раскормить. Вы уверены, что не питаете склонности к каннибализму?

– Скорее вы, капитан, питаете склонность к обжорству. Я даже хотел вас предупредить, что тарелки изготовлены из несъедобного материала, но, слава всевышнему, обошлось.

Граф, улыбаясь, вытирал губы салфеткой.

– Итак, капитан, раз уж вы сами затронули эту тему. Вы ведь не думаете, что я в самом деле озабочен вашим весом? Вынужден признаться, что своим спасением вы обязаны не скудному рациону Детей гнева, а куда более банальной причине. Дети гнева в моем лице готовы сделать вам деловое предложение.

Из серых глаза Северо на мгновение повеяло холодом, а на переносице собрались тонкие морщинки.

– Мы готовы отказаться от любых преследований вашего «гарнизона», который к настоящему моменту насчитывает не более полусотни измученных страхом и борьбой за существование бывших Сестер Атаки. У нас нет к вам каких бы то ни было претензий в связи с последствиями тех столкновений, которые были спровоцированы представителями обеих сторон и в результате которых погибли

несколько наших граждан. Мы даже готовы признать ваше право на те территории, которые вы смогли освоить и которые вам необходимы для выживания. При этом я гарантирую наш полный нейтралитет или даже защиту в случае внешней агрессии.

– Хм... И каковы же условия сделки, которые предстоит исполнить нам? Организовать для вас очередной экзотический «Бордель»?

– Я понимаю вашу иронию, капитан. Но подождите с выводами до окончания разговора. Вы должны, безусловно, согласиться сдать нам все имеющееся у вас высокотехнологичное оружие, начиная с огнестрельного. По моим данным, все, что у вас осталось после последней атаки, это пара самодельных электромагнитных импульсных пушек да пара снайперских лазерных ружей, которые вы соорудили из переносных бурильных установок. Игольники не в счет, у вас все равно нет к ним достаточного количества боеприпасов. Причем мы готовы не просто забрать у вас этот арсенал, а обменять на любой продукт гражданского назначения – охотничьи луки и стрелы, арбалеты, любое холодное оружие, снасти, одежду, современные системы мобильной и стационарной связи, профессиональные автономные системы освещения и отопления, мебель, медикаменты и так далее.

– Транспорт?

– Нет.

Реста с трудом боролась между непреодолимым желанием врезать по этой самодовольной харе и броситься на своего спасителя с поцелуями. Какого хрена, ну скажите, какого хрена столько времени...

– И в чем же причина столь радикальных перемен в отношении к нам?

– Объясняю. Во-первых, никаких радикальных перемен не произошло. Подумайте, ведь запрет покидать территорию поселения был больше связан с опасениями за вашу жизнь, нежели с опасениями, связанными с нашей безопасностью. Если бы не подрыв самодельного взрывного устройства, с помощью которого ваша сестра столь эффектно покончила жизнь самоубийством, заодно уничтожив одного из наших бойцов и спровоцировав остальных на бой, ваших сестер, предварительно убедившись в отсутствии у них

оружия, вообще не стали бы задерживать. Во-вторых, мы не приемлем наличия, как и применения, любых видов или образцов военного вооружения на территории нашей, а теперь и вашей планеты. В-третьих, согласитесь, ваша первоначальная миссия исчерпана. Никакой второй волны не будет.

Реста чувствовала, как вспыхнули кончики ее ушей.

– Это почему же?

– Потому что вы и ваш отряд через считанные месяцы останетесь единственными представителями Сестер Атаки.

Граф не отвел взгляда, не смутился и вообще никак не отреагировал на заблестевшие от ярости глаза Ресты.

– О чем вы говорите?! В «Борделе» сотни тысяч сестер, которые уже давно искупили все свои совершенные и несовершенные преступления. Вы готовите истребление безоружных, давно отказавшихся от какой-либо борьбы людей? Массовое истребление?! Я взываю даже не к вашей справедливости или чести, я взываю к вашему разуму и расчетливости. Если они вас обременяют, отдайте их нам!

Кулаки Ресты бессильно сжимались и разжимались, но это никак не отразилось на поведении Северо.

– Мы не собираемся никого уничтожать. Ваши сестры перманентно стареют, и этот процесс ни от нас, ни от наших желаний никак не зависит. Мы с вами, Реста, созданы одними и теми же существами, имя которым Алые Князья, и имеем общую черту. Время, отпущенное нам, изначально было ограничено определенным сроком эксплуатации. Мы с вами одноразовые солдаты.

– Вы, граф, совсем не выглядите стариком.

– Вы, капитан, тоже.

– Так в чем же дело?

– Это не самый простой вопрос. Но я постараюсь на него ответить. Для того чтобы замедлить процессы старения, нашим организмам необходимо поддерживать определенный баланс химических соединений, которые относительно быстро саморазрушаются в процессе естественного обмена веществ. Для Детей гнева необходимо потреблять келемит – очень редкий и очень ценный химический элемент. Но этот вопрос нам так или иначе удастся решать. Какое соединение необходимо для вас, мы не знаем. До вчерашнего дня наши поиски были безуспешны. А теперь твоя кровь ответит на этот вопрос. Однако на спасение ваших сестер это уже не окажет никакого влияния. Слишком поздно. Последний мой разговор с полковником произошел три недели назад. Она просила помочь вам, Реста, она очень переживала за вас и винила себя в том, что следствием ее действий стали эти шесть трагических лет, которые выпали на вашу долю. Но я, пожалуй, с ней не соглашусь. Ведь она умерла. А вы нет! Мы простились с полковником и простили друг друга. Подумайте об этом. И подумайте над нашим предложением, капитан. Теперь многое зависит от вас, причем от вас лично. В том числе и то, как вы в дальнейшем будете меня называть.

Граф встал. Он уже не выглядел тем же стальным бойцом Детей гнева, который предстал взору заново родившейся Ресты. Он даже, кажется, слегка ссутулился и стал ниже. Но таким он был ближе, чем когда вытаскил ее из скалы, ближе, чем когда терпеливо ждал, когда она проснется в медицинской капсуле.

– И это все, что ты хотел мне сказать?

– Разве этого мало?

Реста почувствовала где-то в глубине своего тела, ниже пупка, разливающую теплоту. Никогда в жизни она не чувствовала ничего подобного. Она больше не могла противиться этому. Решительно вскочив на ноги и поспешно срывая с себя одежду, она бросилась на шею «стальному» графу. Уже в его объятиях оказалась на полу, продолжая толкаться локтями и целовать его шершавые губы. Все, что он смог произнести, нежно укладывая ее, стараясь при этом не раздавить:

– Я никогда этого не делал.

– Не бойся. Я тоже.

* * *

Вот уже третий день начинался одинаково. Оставшиеся на «базе» десять человек с утра открывали внешний шлюз и, построившись как муравьи, до обеда перетаскивали с нижней площадки, которая располагалась метрах в трехстах от входа в грот, все то, что прилетающий ночью дисколет успевал там выгрузить. Во второй половине дня все натасканное до обеда аккуратно раскладывалось, тщательно расфасовывалось и пересчитывалось. Дисколеты управлялись беспилотно, откуда-то из-за гор. Весь день их загружали пятерки, дежурившие на летниках, тем, что удалось собрать, поймать или добыть другим доступным способом. Такими же ночными рейсами приходили грузы с «материка». Выгрузка упакованного товара происходила автоматически. За два литра «синьки» Дети гнева платили столько, что товаром, тщательно выбранным из их прайса, можно было затарить дисколет по самую крышу. Баланс импорта и экспорта тщательно отслеживался и фиксировался в гроссбухе. Предложение «детей» подключиться к серверу биржи сестры отвергли с формулировкой «недостаточно компетенции для обеспечения прозрачности». Еще неделя, и снег, время от времени устилающий ночью плоскогорье и пробующий полярную осень на зуб, перестанет таять, и быстрое межсезонье, длящееся между зимой и зимой, закончится.

Сначала недельное отсутствие, а потом уже никем нежданное возвращение Архана, да еще в целости и сохранности, так кардинально воздействовали на психику сестер, что казалось, их уже ничто не сможет удивить. Но когда их чудом уцелевшая подруга сообщила, что война окончена, странное оцепенение охватило собравшихся вокруг нее командиров пятерок. Совершенно подавленные, зарывшиеся под камни, как лесные лягушки, живущие в ожидании неминуемой скорой смерти, свикшиеся с этой мыслью и почти сдавшие, они готовы были принять от Ресты любые новости, но к этой они оказались не готовы. Лишь один вопрос интересовал всех.

– Мы проиграли?

– Нет. Мы победили!

Потом почти три часа она объясняла, почему, зачем и как им предстоит жить дальше. А когда закончила, то подошла к шлюзу, отворила дверь и вышла на карниз скалы. Багровый закат ровным холодным светом последних вырвавшихся

на волю солнечных лучей освещал горный пейзаж. Идущие следом остолбенели от удивления. На нижней площадке, в трехстах метрах от них, стоял дисколет с распахнутым грузовым люком, и автоматический гидравлический пандус, натужно подвывая, выкладывал на площадку аккуратно упакованные коробки.

Слава всемогущим, за несколько ближайших недель предстояло выполнить очень много работы, а работа – лучшее лекарство от глупых навязчивых мыслей. Девчонки-рядовые, подбадривая друг друга, носились взад и вперед. Столь привычный и так надоевший им мир военной дисциплины, вечной нужды и гнетущего страха перед завтрашним днем постепенно растворялся в невиданной доселе роскоши. Все основные помещения обжитых гротов были ярко освещены и прогреты до приемлемой температуры автоматической системой кондиционирования и терморегуляции. Возле «водопойной лужи» на белоснежном полираморном подиуме сверкали хромом с десяток душевых гидромассажных кабин. Махровые полотенца и косметические принадлежности аккуратно разложены на столешнице вдоль зеркальной стены. Общий зал перестал быть местом сна вповалку и теперь представлял скорее уютную гостиную с диванами и огромным искусственным камином в центре. Спальные места оборудовали ниже по каскаду, разделив следующий зал пенокрафтовыми самоконструирующимися перегородками на отдельные спальные комнаты. В «прихожей» перестало вонять кислятиной, а бесценный продуктовый запас переселился в герметичные камеры и разлегся на стерильных, поблескивающих металлом стеллажах. И вообще множество вновь появившихся перегородок превратили невзрачное прежде жилище в органично связанный комплекс, больше похожий на пространство корабля, нежели на несколько прилегающих друг к другу стадионов с низкими потолками. Да! И металлические ворота внешнего шлюза больше не скрипели и не лязгали, а бесшумно съезжали в стороны еще до того, как желающий войти или выйти успевал коснуться их рукой. Казалось, все было идеально, но хмурые взгляды воительниц время от времени встречались со взглядом Архана. Не такой победы они ждали. Тлеющие угли чужих очагов и руки по локоть в крови – вот достойная цель жизни воина, избранного Могущественными. Нехорошие мысли об очередном обмане уже начинали будоражить умы самых отчаянных из Сестер Атаки.

Реста была довольна, и... она была беременна! Первые признаки этого теперь уже бесспорного факта проявились через три-четыре недели после возвращения в «семью». Она стала быстрее уставать, по вечерам запахи ужина уже не радовали так, как раньше, а наоборот, раздражали и вызывали тошноту. Все чувства обострились, раздражали даже такие мелочи, как капель не до конца закрытого крана в туалетной зале. После долгих лет казарменного уюта она

была счастлива остаться одна в своей маленькой и от этого такой уютной комнате.

Сведения о судьбе обитателей «Борделя» потрясли ее сильнее, чем смерть самой близкой и единственной подруги Берты. Она лежала, зарывшись под теплое, невесомое одеяло, и вспоминала то, какой важной еще несколько лет назад там, под защитой «черной ромашки», казалась борьба с этим комфортабельным рабством. Каким важным и значимым делом всего несколько недель назад была для нее ловля угрей и подсчет количества мешков запасенных орехов. Всего несколько дней назад она еще жила мыслью о своем «доме», о своих сестрах, о комфорте для них и для себя. И все это время, полностью отдаваясь важности этих забот, она сама казалась себе такой незаменимой, такой целеустремленной... Эмельгея просила за нее. Эмельгея на пороге конца думала о том же, о чем думала сейчас Реста. «Она умерла, а вы еще живы». Жизнь – это время, взятое под проценты займы у смерти. В молодости ценность времени ничтожна, зато придуманные или чаще кем-то заботливо подброшенные «вечные» ценности заставляют тратить его на то, что в итоге оказывается фантомом и пылью разносится по ветру. А к старости весь его остаток приходится отдавать в уплату процентов по займу, так бездарно и глупо растраченному на пустые надежды, на погоню за справедливостью, свободой, независимостью, – и это еще в самом лучшем случае. Постареть за месяц и умереть от того, что не хватит сил донести ложку до рта, легко. Жить с сознанием, что все твои цели оказались миражом, а трупы твоих друзей и твоих врагов – всего лишь лестницей на пустой и темный чердак твоего самолюбия...

* * *

Скорее зависть и презрение, чем радость и понимание, – вот то, что объединяет засидевшихся девственниц перед лицом женщины, обремененной потомством, к какому бы кругу, национальности или касте они ни принадлежали. И года не прошло с тех пор, как сестры освободились от страха смерти, идущей за ними по пятам, а ехидные улыбочки и шепоток про то, каково это – быть подстилкой под убийцами и насильниками, нет-нет да и касались ушей бывшего Архана. Особенно усердствовали в этом некоторые из командиров пятерок. Реста все понимала, но поменять уже ничего не могла да и не хотела. От этих нескромных шепотков иногда становилось совершенно невольно. Реста решила отказаться от управления общиной. Ее заявление было встречено спокойно и далеко не однозначно, но сплоченная группа «усердствовавших» нахрапом убедила остальных это решение принять и утвердить. «Вече» избрало нового Архана,

хотя традиции предписывали его назначение предыдущим главой, а процедура избрания применялась исключительно по причине его неожиданной кончины. Реста не стала возражать, ей было безразлично, кто из этих прожорливых и неблагодарных тварей займет ее место. Да и назначать-то, по сути, было некого, никогда еще Арханом не становилась Сестра Атаки из числа «бойцов», только «аналитики»-офицеры могли претендовать на подобную честь.

Роды затягивались. Одиннадцать месяцев назад случилось то памятное и единственное, ради чего стоило жить, а Хоаххин, как она называла своего неторопливого малыша, все еще не желал появляться на свет. Тяжесть последних месяцев сильно сказалась на бывшем капитане, большой круглый как арбуз живот на тоненьких ножках, выступающие вены, запавшие глаза и редящие волосы. Реста накрыла зеркало простыней, а в душевую старалась выбираться только глубокой ночью, под ненавязчивый свет дежурных светильников. Ела она во второй половине дня. Обедала прямо на кухне, пухлая заботливая веселая повариха Мина никогда не оставляла ее без какого-нибудь припасенного вкусного кусочка. К тому же весь обед проходил под ее безостановочное щебетание о последних новостях и сплетнях «монастыря». О том, что начальницы пятерок вытащили всю «синьку» из индивидуальных аптечек и попрятали от остальных сестер, что чай из травы дают пить не всем, а только тем, кто «грамотно, своевременно и качественно выполняет возложенные на нее обязанности». Ходят слухи, что «руководство» летом хочет договориться с «носорогами» об организации общих праздников для установления более близких контактов с соседями по планете. Реста иногда невольно улыбалась и даже подхихикивала, Мина, видя, что ее треп идет на пользу, продолжала с еще большим энтузиазмом:

– А она так глазами зырк и говорит: мол, да сдались мне ваши «носороги», среди местных и покрасивше ребята попадают. А с моими-то формами я любого под свою дудку плясать заставлю...

Реста прыснула от смеха и уронила только что надкусанный малосольный огурец. Мина не успела уследить, как ее госпожа нагнулась за ним. Охнула и встала на четвереньки. Острая боль пронзила все тело от пяток до затылка и, пройдясь двумя нарастающими волнами, навалилась на живот. На истошный крик поварихи примчались помощницы и поволокли извивающуюся всем телом Ресту в медицинский отсек. Через пару минут роженица ненадолго пришла в себя, и последними ее словами была просьба назвать мальчика Хоаххином. Почему мальчика и почему Хоаххином, никто спрашивать не стал. Плод изъяли,

вскрыв полость живота, в тот момент капитан была уже мертва, а на руках медиков зеленоватый шершавый клубочек – новорожденный Хоаххин – отчаянно, но совершенно беззвучно открывал и закрывал рот, словно рыба, выброшенная на берег.

В операционной, забрызганной кровью, с разбросанными вокруг инструментами, бинтами и тампонами, лежащим посередине на столе трупом Архана никого как-то не смутили некоторые особенности маленького. Отсутствие у него глаз (может, еще прорежутся), наличие зубов (ого, уже кусается), странная шершавая кожа (отмоется). Главное, что он пыхтел и размахивал конечностями, то есть проявлял признаки жизни. А то, что он так и не закричал... Никто из них раньше не принимал роды, и знания на этот счет они имели весьма умозрительные. Главное, что они не забыли его покормить, для чего приспособили средних размеров клизму, наполненную свежим молоком шарангов, впрочем, Хоаххин не только не отказался от предоставленного инструмента, но и практически сразу отгрыз неудобный длинный и узкий носик, расширив отверстие до приемлемых размеров.

Жизнь и смерть для профессионала уровня санитаря – это прежде всего испачканные инструменты, использованные одноразовые шприцы, заляпанный кровью и мочой пол операционной, хлорка, силиконовые перчатки и целлофановые бахилы.

– Инга, а помнишь, как нас отправили на Кахх усмирять иррангов?

– А то! Тогда еще адмирал Элизабет приказала каждый день мыть полы в операционной чистым спиртом.

– Я с иррангами потом долго еще торчала там, помогала организовывать восстановление их системы здравоохранения. Так вот их самки рожают сразу целый помёт, семь-восемь маленьких вонючих заморышей. И тоже зубастых. Как этот наш выродок.

– И чего?

– А то, что они умудряются еще в утробе друг другу уши пооткусывать. Так вот им Могущественные тоже, как нам сейчас Дети гнева, запрещали пользоваться оружием.

– Еще бы! Дай этим обезьянам лучемер, так они друг друга на атомы разнесут.

– Стопудово разнесут!

Звон скальпелей и зажимов, переключаемых из мойки в тепловой конвектор, монотонная беседа медиков и опустошенная клизма с молоком склонили юного Хоаххина ко сну. Первый день его непростой и насыщенной событиями жизни подходил к концу. А яркая молодая звезда, неподвижно висящая над ледяной пустыней, продолжала вести прямой репортаж с места событий для посвященных и заинтересованных лиц.

* * *

Архан, возглавляя «десятку первых», деловито толкающихся перед деревянной лавкой с лежащим на ней замотанным в белоснежную простыню трупом, многозначительно растопырив пластиковый лист с напечатанным на нем текстом, слегка запинаясь и скорбно опустив голову, читала:

– Скорбное событие сегодня стало поводом нашего собрания. Мы провожаем в холодный грот нашу сестру. Прощаясь, мы вспоминаем о тех делах праведных, которые были совершены покойной при жизни, просим прощение и прощаея наших сестер, навсегда покинувших нас. Наша сестра не блистала особыми талантами и в смертной жизни своей допустила много ошибок, приведших ко многим трагическим событиям, но, слава Могущественным, все это позади. Покойся с миром, Реста Леноя. И да пребудет в покое, достатке и здравии род наш.

Все дружно выдохнули, и четыре сестры, подхватив тело покойной, понесли его в сторону от шлюза по тропинке, уходившей вверх по каменной гряде. Архан Силия бросила вокруг себя пару быстрых взглядов и, не обнаружив искомого, нажала на кнопку вызова мобильной рации.

– Ну и что у вас там за херня опять происходит, где этот ее мелкий зеленый выродок? Договорились же отправить его вместе с мамашей!

– Мина спрятала его на кухне и забаррикадировала дверь.

– Вот сучка болтливая, ладно, сейчас шум ни к чему. Пусть поживет немного, а там что-нибудь придумаем.

Тяжело ступая толстыми растопыренными ногами по дорожке, покрытой накатанным снегом, Силия убрала рацию и двинулась к шлюзу. Полгода прошло с того момента, как она возглавила «гарнизон», но тысячу раз прав был автор, описывавший нравы древних племен, ничуть не изменившиеся и до наших дней. Как только старуха получила новое корыто и приличный ремонт в своей доходяжной избе, планы ее уже невозможно было ограничить чем-либо обозримым.

«Десятка первых» большую часть заседаний проводила под председательством Архана в закрытом режиме – не столько потому, что не доверяла остальным, сколько для придания своей деятельности большей значимости.

– Не могли Могущественные нас предать. Просто не могли. Поражение на Троне – это предательство нашего собственного командования. наших непререкаемых офицеров-аналитиков. Как так получилось, что планета оказалась под прикрытием мощных, никому не известных кораблей? Как получилось, что, едва покинув десантные боты, мы оказались под перекрестным обстрелом Детей гнева, а местное население, которое должно было встречать нас как освободителей, ошетинилось против нас всем, что оказалось у них под рукой? Почему почти весь десант, достигший поверхности, сдался в плен? Мы должны были умереть там и покрыть себя вечной славой. А оказались предателями, забывшими наставления наших мудрых Могущественных повелителей!

Силия, охваченная «праведным гневом», стучала могучим кулаком по подлокотнику кресла.

– Я не верю этой продажной сучке Ресте, что все наши сестры умерли в «Борделе»! Она предала наше дело, лишила нас оружия, обменяв его на теплые сортиры и блестящие побрякушки. Нам нужно освободить сотню тысяч сестер из позорного плена, и тогда наша армия станет непобедимой. Если мы под ее тупым руководством смогли сбить три дисколета, то, когда нас станет в десять раз больше, мы дадим отпор этим зубастым уродцам.

Командиры пятерок поддакивали сестре.

– Я предлагаю следующий план действий. Необходимо организовать поход к «черной ромашке» и удостовериться в том, что нам солгали. Далее нам необходимо вооружиться, для этого все средства хороши. Подкупить кого-то из наших противников, соблазнить, придушить, в конце концов, голыми руками! И последнее: нам необходимо выйти на связь с нашими покровителями, они думают о нас и никогда не бросят нас в беде. Просто нужно сообщить им, что мы готовы к продолжению борьбы, что готовы умирать, а не отсиживаться в горных норах, как затравленные крысы!

Молча сидели только две сестры, которые присутствовали при последней попытке год назад сбить дисколет Детей гнева. Они не забыли ни глупой гибели своих подруг, ни последующих десяти дней страха. Однако ситуация явно им не благоприятствовала.

* * *

Хоххи, как его называли все, кто вообще обращал на него внимание, к середине лета исполнилось три месяца, он набрал вес и начал довольно шустро ползать как по территории гротов, так и по прилегающим окрестностям. Внешне он был больше похож на броненосца, чем на младенцев всех известных к тому времени рас. Все его тело было покрыто мягкими, плотно прилегающими одна к одной чешуйками. На спине и голове серовато-желтыми, на животе, лице и прочих нежных местах – желтовато-серыми, все полости и жизненно важные отверстия были надежно прикрыты и открывались раздвигающимися чешуйками только в момент необходимости. Глаза у сироты, к огромному сожалению Мины, так и не прорезались. На голове просматривалось несколько симметричных «шишек» или ороговевших позднее наростов. Между пальцами рук и ног отчетливо были видны небольшие перепонки, пальцы заканчивались черными жесткими коготками, а оттопыренные лопатки напоминали не то горб, не то зачатки крыльев. Впрочем, мягко говоря, необычный вид ребенка не особенно смущал сестер, если бы он не был «выродком, прижитым от врагов», так никто вообще не обращал бы внимания на его физиологические особенности. Сестры и сами не были образцом грации и красоты (в человеческом понимании этого слова). Даже самая изящная из сестер напомнила бы землянину скорее мускулистого мужика с переросшим бюстом, ступнями сорок восьмого размера и кулаками размером с пятикилограммовый арбуз, нежели одно из тех дистрофически грациозных созданий, которых выпускают на подиумы галактических домов моды. К тому же имелся немалый опыт работы в мирах цивилизации Могущественных, каждый из которых был населен расами, порой не имеющими с гуманоидом ничего общего.

После того как нашлись такие жирные и неблагодарные свиньи, которые хотели умертвить малыша, Мина поселила его на кухне в одной из кастрюль, откуда он некоторое время даже не высовывался, зато быстренько уничтожил остатки киселя, размазанные по стенкам. Но вот в один из дней, наполненных обычной повседневной суетой, повариха, заглянув в указанную кастрюлю, никого там не обнаружила. Уже было собравшись набрать в легкие побольше воздуха и по привычке заорать, она обернулась на странный шорох и обнаружила воспитанника зацепившимся ногами за полку для тарелок и висящим вниз головой над ее любимой разделочной доской. На доске в этот момент разделывалось вареное бедро шаранга. Мальчонка таскал оттуда увесистые куски свежего, истекающего соком мяса и с довольным урчанием заглатывал их, почти не пережевывая. Стоящая на раздаче сестра с широко открытым ртом, через секунду опомнившись,хватила его скрученным в жгут кухонным полотенцем. Хоххи ловко вскарабкался обратно на посудную полку и, видимо серьезно обидевшись на сестру, открыл рот. Пару секунд ничего не происходило, потом лежащие рядом с ним укуны яйца начали лопаться и, шипя, разлетаться по всей кухне. В голове у сестер стоял нарастающий режущий звон. Сестра-раздатчица, хватая ртом воздух, тихонько оседала на пол, из ее носа струйкой вытекала кровь. Мина, изо всех сил удерживая себя на грани сознания, тянула пострадавшую за ногу, стараясь вытащить ее за пределы кухни. Все кончилось так же внезапно, как и началось. Человек десять толпились в столовой, пытаясь понять причину того, что большая часть стаканов на столах разбита, а на полу кухни лежат две полуживые сестры. Популярности это Хоххи не добавило, но и желающих открыто заявлять о его никчемности и слабости больше не находилось. Плюс ко всему Мина как коршун бросалась на любую из сестер, которая хотя бы намеком задевала тему о «желтопузом выродке». В последние дни быстротечного полярного лета Мина, уловив свободную минуту, хватала под мышку Хоххи, мчалась вон из пещер на свежий воздух, где ему позволялось лазить среди камней, заросших разноцветными мхами. И здесь он проявлял чудеса сноровки, умудряясь на лету хватать и быстро запихивать себе в рот больших разноцветных бабочек. Все в поселке, кто хоть раз наблюдал эту картину, терялись в догадках, каким образом слепой ребенок умудряется проделывать подобные фокусы. Они смотрели на него выпученными от удивления глазами и даже представить не могли, что их взгляд на мир, ограниченный бинокулярным зрением, в сотни раз беднее взгляда этого странного существа.

С самого начала, как только Хоххи покинул утробу матери, он видел, причем видел десятки разных, быстро сменяющихся картинок. Видел в полной темноте,

видел в разных диапазонах и разной цветовой гамме. Все «глаза», расположенные как в непосредственной близости от него, так и на некотором отдалении, двигались и смотрели в разных направлениях. Лишь по прошествии некоторого времени он смог сортировать и связывать воедино эту многоуровневую картину, в сотни раз превышающую по своим возможностям обычное человеческое зрение. Как известно, человек смотрит глазами, а видит мозгом. Хоххи тоже смотрел глазами и видел мозгом всех тех существ, которые находились в радиусе его восприятия, то есть на расстоянии до пятидесяти метров. Обычному человеку, начни он видеть, как этот малыш, показалось бы, что у него не два, а два десятка глаз, и расположены они не только на голове, а в различных точках прилегающего пространства и еще в соседних помещениях, на улице, в воздухе над вами, на деревьях, в подвале вашего дома. При этом еще и часть глаз смотрели бы на него самого или на ближайšie предметы. А кроме того, он еще оказался бы способен разглядеть не только собственную задницу, но и каждую чешуйку на своем теле или, например, ту его часть, на поверхности которой температура отличается от других поверхностей...

Десятки, сотни, тысячи подобных «глаз», постоянно сменяющихся и движущихся вокруг него, позволили бы ему за одну миллисекунду увидеть столько интересного... Или довольно быстро свели бы с ума. Но Хоаххин был рожден с этим и пользовался этой картинкой мира настолько же инстинктивно, как дышал, хомячил кашу и кусался, когда ему пытались наступить на ногу. И ему даже не приходило в голову, что может быть как-то по-другому.

Плюс ко всему Хоххи не просто смотрел на окружающий мир, он учился, иногда просто повторяя то, чем были заняты те или иные его «глаза». Мина много раз замечала, как он что-то размешивает ложкой в пустой кастрюле или, спрятавшись под разделочный стол, предварительно стащив у нее нож, резал овощи, причем делал это профессионально. Когда Мина, припоминая о том, чем должны заниматься дети, выменивала у учетчиков для него пачки тонких пластиковых листов и цветные стилусы, довольный Хоххи, сосредоточенно пыхтя, вырисовывал что-то совершенно невероятное. Не так, как это делает ребенок, малюя кружочки и квадратики. Вечером после работы, разглядывая законченные «полотна», она как-то наткнулась на изображение страшного мохнатого монстра с клешнями и жвалами на том месте, где должен располагаться рот, с телом из отдельных овалов, скрепленных между собой тонкими трубочками, на длинных, складчатых ножках, плотно покрытых острыми заусенцами. Даже на детском рисунке изображение монстра вызывало оторопь. Но какое-то воспоминание не давало ей покоя: где она могла это видеть? Так ё ж моё, это ж бродячий муравей, они давно проложили сотни тропинок через ее кухонные владения, но только в таком увеличении и с такими

детальными подробностями узнать муравья было непросто.

Перед сном, отмыв Хоххи от налипшей на него паутины и непонятного происхождения пятен, запихнув его себе под бок, Мина рассказывала ему длинные истории. О космических мирах, о могущественных князьях, которые правят этими мирами, огнем и мечом поддерживая порядок, об их огромных и прекрасных кораблях, мчащихся в первозданной пустоте, об армиях, гибнущих в огне сражений, о грозных космических армадах, способных разрушить не только планету, но и звезду... Хоххи, благодарно урча и посасывая ее палец, замирал, с головой закутавшись в мягкое одеяло. А утром Мина, вернувшись из душевой, обнаружила на своем любимом журнальном столике очередной рисунок юного живописца. Это был «скорпион», линейный боевой корабль Алых, о котором она только вчера вечером упомянула в своих рассказах. Но она-то только упомянула, представив его образ, всплывший из памяти. На рисунке «скорпион» был во всей своей красе, обвешанный антеннами дальней связи, модулями датчиков и силовых полей, с четко выделяющимися на корпусе прожилками грузовых пандусов и ощетинившийся множеством турелей трехлучевых спарок непосредственной обороны. Холодок пробежал по спине поварихи. Бросив осторожный взгляд в сторону своего воспитанника, который, отчаянно работая когтями, пытался кого-то выскоблить из-под плинтуса в дальнем углу комнаты, Мина свернула рисунок и спрятала в самый дальний закуток своего личного шкафа.

* * *

Новый Архан пребывала в отвратительном настроении: власть, удачно перехваченная из ослабевших рук измученной тяжелейшей беременностью Ресты (а какой она еще могла быть у «одноразовых солдат», не предназначенных могущественными создателями для продолжения рода), все никак не достигала нужного уровня самоутверждения. Экспедиция к «Борделю», которая должна была убедить всех в ее правоте, постоянно срывалась. Срывалась по разным причинам. Силия сама продолжала откладывать и переносить поход, и каждый раз для этого находилось множество причин. И «предательство» Ресты, вследствие которого они остались совершенно без оружия, и низкий уровень боевой готовности рядовых сестер, и все отчетливее назревающий разлад в «десятке первых» катастрофически не позволяли Силии исполнить задуманное... Половина командиров пятерок сначала вполголоса, потом и прямо в лицо заявляли ей, что она им не командир, что они продолжат честно исполнять приказ покойной Ресты: «Захватить и удерживать плацдарм в

предгорьях». А новый Архан, которая сама назначила себя на эту должность и присвоила себе звание лейтенанта, им не указ. Тем более что за все время ее командования, кроме откровенного трепа, прикрытого крикливыми лозунгами, они от нее ничего не видели.

Поэтому на последний совет Силия собрала исключительно своих сторонников и сообщила им о том, что настала пора действовать.

– Этой ночью на разгрузочную площадку прибудет транспорт, Клара имеет опыт управления этим аппаратом. Просто переключим управление на ручное и полетим к «черной ромашке». А там, я уверена, нас встретят еще не предавшие наше дело Сестры Атаки, возглавив которых мы наконец пойдем в бой.

Дисколет, деловито похрюкивая гидравликой, аккуратно выкладывал на площадку последнюю партию товара, упакованного в пластиковые ящики. В этот момент около десятка нагруженных поклажей сестер цепочкой поднимались на его борт через пассажирский шлюз, который, к некоторому удивлению угонщиков, даже не подумал чинить им в этом препятствия. Клара уже вскарабкалась по откидной лесенке в пилотскую кабину. Грузовой пандус, как и ожидалось, закрылся, и тяжелая машина начала медленно набирать высоту. Поднявшись на двести метров над погрузочной площадкой, дисколет фыркнул крейсерским двигателем и помчался... на юг в сторону гор! Наблюдавшие эту картину немногочисленные провожающие, постояв пару минут с открытыми от неожиданности ртами, стали возвращаться в грот.

– Эта балаболка Силия и ее прихлебатели взяли и сбежали к Детям гнева! А сколько пафоса было, сколько планов...

Орка сплюнула себе под ноги и тут же получила крепкий подзатыльник от своей начальницы.

– Ты здесь пол не моешь? Вот и не плюй! А про сестер... ты там с ними на дисколете рядом не сидела, на кнопки не нажимала, вот и не галди! Прикрой свой рот!

Ясно было только одно – что-то в плане Силии явно пошло не так, и ни ее саму, ни ее последовательниц больше в пещерах никогда не видели.

* * *

Между тем жизнь текла своим чередом. По странной причине желающих бороться за власть, проводить собрания и избираться новым Арханом, атаковать «Бордель» и сражаться с коварными Детями гнева больше не находилось. За два года, прошедших после отбытия руководства, жизнь в горах мало изменилась, единственное, что бы бросилось в глаза постороннему наблюдателю, это окончательно сформировавшееся разделение сестер на отдельные специализированные касты. Охотники и собиратели большую часть своего времени проводили вне пещеры, постоянно добывая провизию в предгорьях. Они были самой многочисленной группой, но и потери их составили за это время как минимум восемь сестер. Кто-то отравился неизвестными ягодами, кто-то сорвался с обрыва или замерз, неудачно выбрав место для ночлега. Только они продолжали держаться «пятерками» и соблюдать военную дисциплину. Своих промысловых территорий они не меняли, и серьезных трений между ними не возникало. Ремесленники или специалисты, не более десятка сестер, умевших делать то, что не хотели или не успевали делать представители основной группы, – стирать, гладить, готовить, убираться в помещениях, ремонтировать инвентарь, обслуживать системы жизнеобеспечения. Менялы, или бывшие учетчики, которые жили тем, что обеспечивали бартер, как внутренний, так и внешний, причем внутренний бартер сильно превалировал, а внешний после смерти Ресты неизменно затухал и на этот момент ограничивался одним транспортом в полгода. Вообще, казалось, Дети гнева утратили какой бы то ни было интерес к своим новым согражданам, даже патрульные дисколеты появлялись над снежной пустыней так редко, что об их существовании стали постепенно забывать. Ну и, конечно, парочка опустившихся отщепенцев, вечно невымытых, рваных и выпрашивающих на кухне объедки с общего стола. Единственным представителем подрастающего поколения был двухлетний Хоххи.

Продовольствия, медикаментов и расходников хватало, но только с учетом первоначального запаса. К завершению второй зимы становилось все более очевидным, что пережить очередную зимовку, не сократив рацион, будет непросто. То ли запасы уже разведанных территорий оскудели, то ли сокращение численности сестер, занятых в непосредственном пополнении этих запасов, стало недостаточным, но факт оставался фактом. К наступлению очередной весны Мина и еще пара ее подруг настояли на проведении всеобщего сбора, на котором каждый смог бы высказать свои решения назревающей проблемы.

– Да чего тут думать, для начала нужно выкинуть на улицу двоих недотеп и этого жетопузого гаденыша, который...

Охотница Орка неожиданно для себя самой прервала монолог, поскольку ей в лицо смотрели налившимся кровью глаза поварихи, сжимавшей в руках здоровенный кухонный разделочный тесак.

– Этот ребенок не твоего скудного свинячьего ума дело, я его кормлю вот этими руками заработанной едой, а не побираюсь у вонючих, тупорылых обезьян с луками за спиной, возомнивших о себе невесть что!

– Да ладно, Мина, брось ты, я ведь не со зла, я, в общем, не подумав.

Другие охотницы, с улыбками на обветренных лицах, готовы были сорваться в коллективный ржач.

– Мы приносим столько еды, сколько можем унести. Нам по-любому этого хватает. А вот если безвылазно сидеть в тепле на жирной заднице, то не исключено, что этой заднице придется немного похудеть.

– Да не вопрос, я могу прямо сейчас уйти в горы, сами себе стирайте, потрошите, готовьте. Вот вам и костерок в общем зале, и шампуры из своих стрел себе налепите.

Мина, все еще в легком возбуждении, продолжала бурчать себе под нос. Понимая при этом, что доля правды в последнем высказывании, конечно, есть. Труд охотника несопоставим с трудом любой из тех сестер, которые делали это внутри пещеры.

– Взаимными упреками и оскорблениями мы проблемы не решим. Есть мысль попробовать снова сходить к «Борделю». Может, там получится чем-нибудь поживиться? Тем более что опасности теперь это не представляет.

В общем, сошлись на следующем. Охотники летом не будут тратить время на перетаскивание добычи, а делом этим займутся специалисты и менялы, тем более что именно менялам это как раз и в тему. А как только по свежему снегу все припасы с летников перекочают на базу, возобновить походы на «Бордель».

Ну или хотя бы один поход. А там уже и принимать решение.

* * *

«Черную ромашку» в хорошую погоду видно километров с двух, а в бинокль так и с семи-восьми. Несколько саней, запряженных шарангами, которых еще детенышами отобрали из стада и вырастили на летниках, мерно продвигались к намеченной цели. Остаток пути предполагалось пройти как раз к полудню. Так, чтобы было время и поставить лагерь, и хотя бы поверхностно осмотреть саму «ромашку» и точки сброса мусорных транспортеров. Громады ангаров внешне не претерпели никаких изменений, вот только прикрывающего их силового поля уже не было. Быстрый обход по периметру не выявил повреждений. Зато, к всеобщей радости, внешние ворота шлюза двадцать пятого сектора оказались распахнуты и зияли чернеющей пустотой. Мало кто из оставшихся в живых сестер хорошо ориентировался в лабиринтах складского сектора, поэтому, кроме фонариков, было решено использовать длинный и тонкий капролоновый тросик, намотанный на закрепленную за плечами замыкающей группу разведки сестры легкую лебедку. Фонарики вырывали из темноты, в которую был погружен ангар, участки перегородок отсеков с наглухо закрытыми, как и прежде, дверями. Языки наметенного с улицы снега то тут, то там собирались в сугробы, которые становились все меньше по мере продвижения в глубь строения. Довольно быстро группа преодолела всю длину ангара и продвинулась к внутренним воротам, ведущим в центральный купол комплекса. Внутренние ворота были закрыты. Но колесо встроенного замка легко поддалось, и через несколько оборотов утопленные в створку ригели позволили сдвинуть тяжелую металлическую дверь внутрь. Те же темнота, тишина и основательно промерзший чистый воздух встретили сестер в центральном куполе. Старые воспоминания о беззаботной жизни сразу после переселения накатили на разведчиков. Чистые, поблескивающие белизной стены коридоров, мягкий, скрывающий звуки идущих пол, и только одна мысль, объединяющая их в этот момент: «Почему мы ушли отсюда? Кто сейчас нам сможет ответить на этот вопрос?» – так и застыла на губах, потому что никто так и не осмелился произнести ее вслух.

Решено было пройти полный круг под куполом, осмотреть входы в жилые сектора, а сестру с лебедкой оставить стеречь выход в складской ангар. Через час ушедшие вернулись к складу с другой стороны. В течение этого маленького похода не было обнаружено ни трупов, ни следов борьбы или эвакуации. Кругом царили мир и кладбищенский покой. Все ворота шлюзов, ведущих в жилые

«лепестки», были заблокированы, и разблокировать их можно было только изнутри.

После возвращения в уже поставленную юрту, согретую и обжитую, наполненную запахами горячей пищи, немного полегчало. Завтра предполагался более детальный осмотр складского сектора в поисках скопления залежей съестных или других полезных припасов.

Два-три удара кувалдой срывали легкие двери, блокирующие входы в отдельные помещения сектора. Но вот беда, уже вскрытые три отсека были пусты. Одна из сестер клялась Могущественными, что именно в одном из них хранились комплекты полярной одежды и снаряжения, которое использовали сестры, покидая «Бордель». Наконец только десятая выбитая дверь открыла за собой полки, забитые пиропатронами. Продолжение актов вандализма или грабежа со взломом (как кому нравится) принесло еще один заполненный отсек.

Медицинские препараты, бинты, пластыри, жгуты, капельницы и прочие инструменты в разноцветных упаковках порадовали сестер гораздо больше, чем склад пиропатронов. В итоге после вскрытия всех пятидесяти отсеков ангара оказалось, что лишь один из них был наполовину заполнен армейскими пайками. И это уже было замечательно. Еще сутки ушли на то, чтобы из подручного материала соорудить леса, по которым можно было добраться до верхних полок, спустить, разложить и упаковать все найденное, равномерно распределив по саням. На следующее утро караван отправился обратно в предгорья. Уходя, сестры закрыли шлюз, ведущий в купольный зал, и прикрыли внешний шлюз, привалив его снаружи несколькими тяжелыми ящиками с медицинским оборудованием.

Возобновление набегов на «Бордель» можно было считать успешным. Одних только найденных пайков хватило бы на десяток караванов, и это на какое-то время решало проблему нехватки продовольствия.

* * *

Неумолкающая Мина шныряла по кухне и суетилась особенно рьяно. Хоххи исполнилось пять лет, и это замечательное событие предполагалось отметить всей общиной. Организацию праздника взяла на себя, естественно, сама повариха, а количество желающих его посетить резко возросло после того, как она оповестила сестер, что проставляется исключительно за свой счет.

Огромный торт из пышных коржей, выпеченных со всевозможными добавками и засыпками, покрытых собственноручно изготовленным кремом, основой для которого послужило масло из молока шарангов, возвышался в центре сдвинутых столов в обеденном зале. Чтобы данное творение дожило до нужного часа, пришлось блокировать именинника в спальне, завалив его чистыми листами для рисования и кучей цветных стилусов. Вечерний торжественный ужин прошел при полном аншлаге. Заздравные речи не прекращались до тех пор, пока не стало очевидным, что пора уже мыть посуду. Сестры как по команде откланялись и одна за другой покинули центральную пещеру в направлении спален. Хоххи, весь вымазанный кремом и взбудораженный слишком большим количеством гостей, уже готов был улечься прямо на заставленных грязной посудой столах, но был выпровожен на специально отведенное для этого место. Для пяти лет он был, пожалуй, крупноват. Почти полтора метра роста и сорок килограммов веса соответствовали нормально развитому ребенку десяти лет. Телосложение также придавало его возрасту конкретную фору. На кухне он работал ничуть не меньше самой Мины, причем исполняя как самую грязную работу, так и радуя посетителей столовки изысканными и совершенно эксклюзивными рецептами. Подземные огурцы, фаршированные ветчиной из шарангов, запеченные вместе с мелко нарезанными грибами и политые острым соусом из муслики, вызывали приступы преклонения перед его кулинарным искусством у всех без исключения сестер.

За прошедшие годы отношение к «желтопузому выродку» изменилось кардинально. Кулинарные способности, дружелюбие и даже некоторая непосредственность, готовность в любой момент дать ощутимый отпор «агрессору» (кухонный тесак Мины), а более того – отсутствие с некоторых пор на базе сестер, постоянно ищущих повод его прикончить, сделали свое дело. Общественность нашла себе достойного героя. Не поздороваться с Хоххи утром или пройти мимо, не похлопав по плечу, считалось дурным тоном. Даже Мина стала замечать за собой признаки ревности, когда, заглядывая на кухню и не обнаружив там Хоххи, жители пещеры кривили свои заспанные рожи и бубнили, что на завтрак опять будет какая-нибудь фигня.

* * *

Восьмой после возобновления походов в «Бордель» и первый после очередной полярной зимы весенний караван на этот раз был полностью укомплектован «специалистами», поскольку сформировался уже накануне дневных оттепелей, и все охотники умотали на летники восстанавливать снасти и готовиться к

сезону сбора урожая. Сograждане пытались убедить Мину, что если оставить на кухне одного пятилетнего Хоххи, то он замечательно справится с ее обязанностями. Однако повариха поставила перед ними железное условие: или идут все вместе, или она остается с Хоххи. Недовольно поворчав, сестры заявили, что пусть поступает как хочет. Посему Хоаххин счастливо вышагивал рядом со своей кормилицей. Температура за бортом превышала минус десять, караванщики не обременяли себя слишком теплой и сковывающей движения одеждой. И опять Хоххи удивил окружающих: уже через час он сбросил с себя тяжелый ватник и начал двигаться еще быстрее и мягче, скользящими движениями, напоминая охотящуюся кошку, успевая обогнать караван, вернуться, уйти в сторону и снова незаметно появиться перед караваном. Мина терпела все эти маневры до тех пор, пока он не попытался разуться. Увидев в очередной раз своего своевольного сопляка, бодро вышагивающего босиком по слежавшемуся снегу, который заметно подтаивал под его ступнями, с переброшенными через плечо унтами, она так рывкнула, что бедолага одним движением метнулся к саням и стал поспешно обуваться. А под пристальным взглядом «мамаши» чешуя у него на загривке встала дыбом.

* * *

Лагерь сворачивался. Ничего особенного при очередном посещении складской зоны не произошло, однако всех беспокоил тот хаос, который творился на территории склада. Некоторые из ранее вскрытых дверей были начисто снесены с петель и разбросаны по всему ангару. Намертво вмонтированные в пол ангара стойки пустующих стеллажей измяты и перекручены. В отсеке с медикаментами по всему полу разбросаны измятые рваные коробки, кучи битого стекла, а воздух едко пахнет лекарствами. Каких-то более конкретных следов на снегу обнаружить не удалось. Они, видимо, были занесены снегом, и установить, кто или что явилось причиной разгрома, не представлялось возможным. Однако неприятное ощущение опасности не покидало экспедицию. На второй день пути, ближе к обеду, прямо на тропинке, оставшейся от их же саней, караванщики наткнулись на освежеванный и наполовину обглоданный труп шаранга, причем, судя по его состоянию, устроенный кем-то обед состоялся в этом месте не более двух суток назад. Животные испуганно прядали ушами и изрядно прибавили шаг. Сопровождавший движение каравана галдеж сестер, обсуждающих всякую ерунду, начиная от вариантов применения собранного имущества до прикидок, сколько живого веса в варангах, идущих с караваном, стих. Всех не покидало чувство, что неизвестная опасность крадется по пятам.

Погруженная в неприятные размышления Мина совершенно потеряла счет времени, как вдруг мысль о Хоаххине словно злая оса вонзила в нее свое жало. Где же этот бесшабашный мальчишка, тьма его подери?! Она огляделась по сторонам в поисках воспитанника. Тяжелогруженный караван мчался вперед. Создавалось впечатление, что шаранги давно бы уже взлетели, если бы не привязанные к ним тяжелые нарты. Хоаххин, изо всех сил ухватившись за узду коренного, тянул его за собой. Вот напасть, все их короткое путешествие он и близко не подходил к нартам, нарезая широкие круги в обход сестер и лишь изредка подскакивая к Мине, давая тем самым понять, что у него все хорошо. Мина подняла к глазам бинокль и всмотрелась в блестящий белизной ровный горизонт, давно уже скрывший за собой черные «лепестки» «Борделя». На границе видимости в воздухе медленно колыхались три тучки потревоженного кем-то свежего, не успевшего еще слежаться в наст легкого снега. Эти тучки росли буквально на глазах, и поварихе даже показалось, что она чувствует нарастающую вибрацию.

Хоаххи был испуган не меньше шарангов. Коснувшись одновременно трех пар новых «глаз», он почувствовал, что сердце хочет проломить его грудную клетку и вырваться из груди. Сестры, шаранги, Мина, он сам были просто мясом. Теплым сочным свежим мясом. И этот факт невозможно было изменить. Каких-то четыре-пять километров отделяли этих голодных монстров от заслуженного и долгожданного ужина. Единственный шанс спастись хотя бы некоторым из караванщиц – это бросить все и бежать в разные стороны, но как им это объяснить? Они не бросят караван, а он не бросит их, а значит, смерть неминуема.

Мина не своим голосом кричит сестрам, чтобы те готовились к круговой обороне, выстраивали нарты в кольцо. Шаранги не хотят останавливаться и не слушаются погонщиков. Из-под шкур, прикрывающих поклажу, сестры наспех тянут охотничьи ножи и копья – стальные клинки на легких и упругих древках. За все прожитое на ледяной пустоши время они не встречали никого из животных, с кем бы не могло справиться это оружие. Суэта наконец уступила место привычной военной слаженности, и сестры замерли, наблюдая за приближением гостей.

Огромные туши, ростом не менее двух метров в холке, почти беззвучно ступающие по снежной наледи широкими лапами, передвигаются вперед мягкими скачками и укутаны в жесткий, абсолютно белый мех. Звери несутся вперед, быстро сокращая дистанцию с караваном. Их цель очевидна. Они хотят

есть, а не вести переговоры. Им совершенно неинтересно, как вооружен и насколько опасен противник, они никогда в жизни не встречали кого бы то ни было сильнее и агрессивнее себя. Хоххи замирает в оцепенении перед неизбежной смертью. Три пары глаз почти в упор рассматривают свою будущую добычу. Монстры чуть расходятся, не добегая до своих жертв, как бы беря их в полукольцо, слегка притормаживают, после чего с грозным ревом, демонстрируя острые желтые клыки каждый размером с кухонный нож, бросаются в атаку.

Не нужно учить Сестер Атаки, пусть и бывших солдат армии Могущественных, просидевших последние несколько лет в подземелье, как нужно принимать достойную смерть. Достойная смерть каждой из них – это шанс выжить для всех остальных, шанс выжить и победить! А значит, не просто самая важная, а единственная цель их жизни. Жаль только, что они поняли и приняли это лишь тогда, когда уже невозможно было что-либо изменить.

Хоххи отрешенно и даже с каким-то замедлением рассматривает поле боя со всех возможных ракурсов, но панорама тает, и перед его взором остаются только горящие глаза противников, впивающиеся друг в друга. Страх, боль, жажда жизни затмевают все виденное им раньше. Первый ледяной вор в длинном и высоком прыжке перемахивает через тяжело нагруженные нарты и, не успев приземлиться на мощные и широкие лапы, получает колющий удар охотничьего копья прямо в раскрытую пасть. Клинок, пройдя сквозь горло, перерубает шейные кости и толстые кровяные артерии. Сестра, направившая смертоносное стальное лезвие, тут же получает удар когтями по лицу и, обезображенная, с расколотой головой, отлетает к ногам мальчика. Прочное полиграфитовое древко с треском ломается, отломленный кусок лезвия, ломая кости черепа зверя, вылетает, пробив толстую шкуру на загривке и брызгая во все стороны горячей алой кровью. Однако сраженный вор, по инерции кубарем летящий к противоположной линии саней, успевает зацепить еще одну сестру, не успевшую отскочить в сторону. Две другие белые смерти, мгновенно сменив тактику, мощными ударами лап переворачивают преградившие им путь сани, разбивая их в щепки и сбивая с ног поджидающих за ними Сестер Атаки с копьями в руках. Звери молниеносно врываются в центр огороженной площадки. Еще несколько ударов – и с десятков разорванных тел падают, усеивая окрестности торчащими отломками костей и фонтанами крови. Исход битвы предрешен. Хоххи выходит из охватившего его ступора, одним прыжком взлетает на последние уцелевшие сани и начинает орать, орать во второй раз в своей жизни. От напряжения разрывая собственную одежду в клочья, пытается освободить грудь от вырывающейся из нее смерти.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/zlotnikov_serгей/vechnyy-vzglyad-so-storony

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)